



Ставрополь 2013

Коллектив авторов
Актуальные проблемы современного
уголовного права и криминологии

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=12158459

Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии: АГРУС; Ставрополь; 2013

ISBN 978-5-9596-0877-4

Аннотация

Содержит материалы ежегодного межвузовского круглого стола, посвященного Дню российской науки, проходившего на базе Ставропольского филиала Краснодарского университета МВД России (г. Ставрополь, 8 февраля 2013 г.).

Адресован работникам органов государственной власти, сотрудникам правоохранительных органов, преподавателям, адъюнктам, аспирантам, курсантам, студентам юридических факультетов, а также всем интересующимся проблемами современного уголовного права и криминологии.

Содержание

Причины и условия, способствующие бандитизму в Республике Дагестан	5
Об объективных признаках убийства при эксцессе обороны	14
К вопросу о концептуальных основах освобождения от уголовной ответственности по нормам особенной части УК РФ	17
Влияние патопсихологических особенностей личности на механизм преступного поведения	20
Содержание целей уголовного наказания в виде принудительных работ	23
Ответственность за кражу: 1917–1996 годы	27
Латентная виктимность мигрантов и направления ее снижения	34
Позиция пленума верховного суда РФ в определении обязательности решений международных судебных органов	39
Особенности лексического значения слов в уголовном законе	42
Сущность и понятие конфискации имущества в уголовном законодательстве России	45
О некоторых проблемах применения мер пресечения, избираемых судом	48
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Актуальные проблемы современного уголовного права и криминологии

© Ставропольский филиал Краснодарского ун-та МВД России, 2013

Причины и условия, способствующие бандитизму в Республике Дагестан

А. М. Абдулатипов,

начальник Центра профессиональной подготовки МВД по Республике Дагестан, кандидат юридических наук, доцент

Бандитизм занимает особое место среди преступлений, посягающих на общественную безопасность, являясь одной из наиболее опасных форм преступного посягательства на охраняемые законом общественные отношения.

В основе деяний банды лежит нападение на граждан, организации, которое может выражаться в физическом (нанесение телесных повреждений, уничтожение чужого имущества, совершение убийств, ограничение свободы и т. д.) и психическом насилии, предполагающих угрозу немедленного применения физического воздействия.

Повышенная общественная опасность бандитизма обусловлена также вооружённостью группы и сопряжённостью с такими тяжкими и особо тяжкими преступлениями, как убийства, терроризм, захваты заложников, разбои, вымогательства, изнасилования и др.

Поскольку бандитизм приобретает опасные тенденции и по существу стал носить массовый характер, для борьбы с ним необходимо попытаться выяснить причины, его порождающие, и условия, которые ему способствуют. Как отмечается в криминологической литературе, чтобы ответить на вопрос «почему воспроизводится достаточно устойчивое число актов преступного поведения с более или менее постоянной структурой»¹, нужно выяснить основные криминогенные детерминанты.

Изучение причин и условий бандитизма даёт возможность понять содержание, сущность и основную его направленность как преступного проявления, угрожающего общественной безопасности, требующего разработки специальных превентивных мер.

Вместе с тем, следует иметь в виду, что бандитизму присущи разные проявления, которые имеют свои специфичные причины и условия, а потому могут быть предметом самостоятельного изучения. Мы же рассмотрим основные криминогенные комплексы бандитизма в Дагестане.

Прежде всего, как и любые другие преступления, бандитизм порождается общими причинами. Современная отечественная криминология рассматривает в качестве основной общей причины насильственной преступности противоречия, прежде всего, в политических и экономических отношениях, в числе которых, в первую очередь, следует отметить серьезные недостатки и просчеты экономического регулирования в республике, отсутствие упорядоченности этих отношений, что привело к разрушению хозяйственного механизма, к перманентным и кризисным явлениям в системе воспроизводства, обмена, распределения. Инфляция и бюджетный дефицит, снижение инвестиций увеличили спад промышленного и сельскохозяйственного производства. Все это привело к значительному сокращению рабочих мест, породив массовую безработицу. Процесс роста незанятого населения приобрел острое криминогенное значение, вылившись в резкое увеличение количества преступников из среды безработных.

Расширение сферы теневой экономики, интенсивный рост коммерческих и банковских структур, развитие новых видов предпринимательства усилили корыстную мотивацию кри-

¹ Кудрявцев В. Н., Кудрявцев Ю. В., Нерсисянц В. С. Социальные отклонения. М.: Юрид. лит. 1984. С. 224.

минального поведения и существенно изменили направленность преступных посягательств бандформирований.

Центром притяжения противоправных устремлений банд стали крупные материальные и денежные средства. Одновременно все более настойчивы их попытки вписаться в экономический оборот, овладеть средствами для организации собственного бизнеса либо паразитировать на доходах, извлекаемых предпринимателями, коммерсантами и разного рода «теневиками».

Стало очевидной истиной, что падение уровня жизни одних в этих же условиях создает базу для обогащения других, что, в свою очередь, сеет в обществе страх, озлобление, всеобщее недоверие, порождая политические конфликты, бандитизм, терроризм и насилие.

При определенных условиях экономическая преступность может перерасти в корыстно-насильственную и просто насильственную, а вслед за этим возникает и преступность должностных лиц, ибо экономические причины столь же затрагивают их, как и все другие слои общества².

К экономико-управленческим причинам проявления бандитизма относятся также слабый контроль государства за процессом приватизации, акционирования, инвестирования, первоначальное накопление капитала отдельными группами в ущерб государственной собственности. Под видом проведения рыночных реформ произошла несправедливая концентрация имущества в одних руках и обнищание большей части населения. За наиболее крупными бандитскими группировками стоят коррумпированные представители власти, которые используют их для достижения своих экономических и политических целей.

Важное криминогенное значение имеют и политические факторы современного общества. К их числу можно отнести: нестабильность политического режима и уголовной политики; коррумпированность представителей государственной власти; неправомерное лоббирование интересов отдельных социальных групп в структуре государственной власти; отчуждение большей части населения от управления государственными делами и от контроля за системой борьбы с преступностью; геополитическая неустойчивость государства ит. п.³ Необходимо добавить к указанным причинам и клановость при формировании государственных структур.

Общепризнанным является мнение о том, что широкий размах бандподполья в республиках Северного Кавказа обусловлен геополитикой некоторых иностранных государств.

Геополитические угрозы следует идентифицировать с усилиями западных стран и некоторых исламских государств по вытеснению России из районов и зон ее традиционного влияния в Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, в Закавказье и Центральной Азии, а также со стремлениями США превратить существующую систему мирового устройства в униполярную⁴.

Также мы согласны с мнением К. А. Кокунова о том, что в политической сфере угрожающую форму приобретает усиливающееся самовластие правящей элиты на местах; катастрофическое снижение культуры и интеллектуального потенциала общества и власти; опасное усиление зависимости страны и общества от некомпетентных решений, принимаемых узкой группой политиков; гипертрофированные изменения в системе ценностей, когда материальное и личное определяют мировоззрение и образ действий властей всех уровней, а духовное и общественно-государственное при этом присутствуют лишь в качестве идейно-нравственной ширмы; нарастание дезинтеграции российского общества на основе усили-

² Криминология / под ред. В. Н. Кудрявцева, В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. С. 64.

³ Криминология / под ред. В. Д. Малкова. – М.: Издательство МОСУ, 2-е изд., 2006. С. 31.

⁴ Кокунов, К. А. Вызовы и угрозы национальной безопасности России в условиях глобализации: дис... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 87.

вающегося имущественного расслоения и утраты общенациональных идеалов и ориентиров⁵. Исследование показывает, что данные обстоятельства способствуют активному оттоку молодежи в бандформирования.

Следует также отметить, что развитие бандитизма и терроризма в Дагестане происходит не только за счет миссионерской деятельности зарубежных или внутрироссийских экстремистских организаций, поддерживаемых иностранными спецслужбами.

Как показывает анализ уголовных дел, абсолютное большинство членов бандподполья не занимались преступной деятельностью против своей воли, а значит, идеологическое внушение им преступных идей берет свое начало на основе внутренних социально-экономических и иных проблем. Об этом свидетельствует негативная динамика банд-проявлений, несмотря на имеющиеся очевидные успехи спецслужб России в нейтрализации попыток стимулировать извне их деятельность.

О том, как может порождать разветвленное бандподполье, свидетельствуют принимаемые порой непродуманные и не просчитанные по своим последствиям политические решения, затрагивающие жизненно важные интересы больших групп и слоев населения. Ярким примером такой политической близорукости, детерминировавшей широкомасштабные бандформирования, является, на наш взгляд, непоследовательная и противоречивая политика федеральной власти на Северном Кавказе в 1990-е годы, последствия которой сказываются спустя десятилетие.

В монографии Р. Г. Абдулатипова «Авторитет разума (О философии разумной политики)» известный российский политик отмечает, что у России нет «кавказской политики», а значит, Кавказ вынужден строить соответствующую политику в отношении России, свою внутреннюю политику⁶. Зачастую, как уже показала практика, это происходит руками криминальных авторитетов, террористов, экстремистов различных оттенков, спекулирующих национальными интересами. Вместе с тем, коэффициент полезного действия политики Центра мог быть просто неопределимым.

Существенно осложняют общую криминогенную ситуацию в республике социальные причины преступности. Именно от них зависят уровень и образ жизни людей, их потребности и интересы, определяющие в свою очередь поведение и поступки. И нарушение принципа справедливости в этих отношениях порождает социально-протестующее поведение, в том числе и преступное. Поэтому социальными причинами бандитизма можно считать: попрание прав человека, межнациональные противоречия и конфликты, национальная вражда и ненависть, ослабление социального контроля и вопиющая социальная несправедливость, межгрупповые, межличностные, религиозные противоречия, низкая культура поведения, падение уровня воспитания и образования.

Как свидетельствуют статистические данные, уровень жизни населения Дагестана достаточно низок, что само по себе вызывает серьезные опасения с точки зрения роста корыстно-насильственных преступлений.

По большинству социальных показателей республика занимает последнее место среди регионов России. По расчетам экспертов из «Института социально-экономического мониторинга исследований и разработок» (АНО «МИР»), денежные доходы населения в республике почти в 4 раза ниже среднероссийских, притом что стоимость потребительской корзины из 19 основных продуктов питания составляет в Дагестане около 100 % от среднероссийской величины. Средний дагестанец более чем в 4 раза живет беднее среднего россиянина. Он может приобрести на свой среднедушевой доход продуктов в 10 раз меньше среднего москвича, в 3 раза меньше среднего нижегородца и в 2,6 раза меньше, чем средний краснодарец.

⁵ Кокунов, К. А. Указ. соч. С. 87.

⁶ Абдулатипов, Р. Г. Авторитет разума (О философии разумной политики). М., 1999. С. 242.

Эти цифры достаточно убедительно показывают, сколь велика глубина социально-экономического спада в республике.

Такое положение нередко толкает людей на приработок, который нередко мало как согласуется с требованием закона. Достойное существование, которое во многом увязано для дагестанца с экономическим положением, оказывается гораздо более мощным фактором в мотивационном комплексе.

Как известно из криминологии, «ныне, в условиях перехода к рынку, когда ослаблен (если не разрушен) социальный контроль за тем, кто, кому и сколько платит (денежное вознаграждение), именно вознаграждение, а не зарплату (в кооперативах, смешанных предприятиях и фирмах и даже местных органах власти, мэриях и префектурах), она устанавливается произвольно, с нарушением принципа социальной справедливости. Такая социальная несправедливость является основным источником конфликтов, порождающих и преступность, в том числе и бандитизм. Причем на преступность влияет (вызывает ее) не только конкретное проявление социальных несообразностей, конфликтов и несправедливости, но и общая атмосфера в обществе, когда провозглашенные лозунги опровергаются делами властей, в том числе пришедших к власти на волне критики несправедливостей прошлого»⁷.

Нет надобности в проведении глубоких проверок или широкомасштабного исследования, чтобы убедиться в источниках и способах приобретения огромного материального состояния некоторыми властью имущими, «народными» избранниками. Это порождает и межгрупповые конфликты. Те, кто лишен доступа к материальным и финансовым средствам, обладают ими путем изъятия у незаконно разбогатевших лиц путем нападения, угроз.

Об этом свидетельствует распространённое в последние годы в республике вымогательство (рэкет), совершаемое, в основном, членами бандподполья в отношении коррумпированных чиновников, предпринимателей, банкиров, представителей различных коммерческих организаций. В большинстве случаев преступления совершаются с использованием флешек и других электронных носителей информации, на которых записывается требование о передаче денег или ценностей, а также о предполагаемых последствиях его невыполнения в форме аудио- или видеоинформации. Обычным явлением стало бандитское нападение на потерпевшего, подрывы принадлежащих ему коммерческих и иных объектов в случае отказа от выполнения требований бандитов. По данным оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов, повышенной виктимностью характеризуются также лица, работающие в так называемых «доходных» местах в топливно-энергетической отрасли, в сфере оборота алкогольной продукции, природных ресурсов, строительства и т. д.

Необходимо отметить, что на почве политического экстремизма, религиозных и межнациональных конфликтов как на дрожжах вырастает и бандитизм.

Как показывает практика, проявления экстремизма могут носить достаточно разнообразный характер: от возбуждения гражданской ненависти или вражды на политической, национальной, религиозной и иной основе до функционирования многочисленных незаконных вооруженных формирований, ставящих перед собой цели – от нарушения прав человека и территориальной целостности государства до изменения его конституционного строя, усиления неформального влияния на власть в решении экономических, кадровых и иных вопросов и т. д. Несомненно, экстремизм является одной из самых серьезных угроз безопасности для всего мирового сообщества, но особенно остро эта проблема стоит в России, что обусловлено ситуацией переходного периода и исторически сложившимся этническим и религиозным составом его населения⁸.

⁷ Криминология / под ред. акад. В. Н. Кудрявцева, проф. В. Е. Эминова. М.: Юрист, 1995. С. 67–68.

⁸ Муртазалиев, А. М. Теоретико-правовые основы противодействия политическому и этническому экстремизму // Материалы Всероссийской науч. – практ. конф. (г. Махачкала, 20–21 ноября 2008 г.) Т. 2. Махачкала: Лотос, 2008. С. 3.

За последнее десятилетие в Дагестане проявились все виды бандитизма, однако наиболее опасными стали бандпроявления на почве религиозно-политического экстремизма, когда криминальные элементы, прикрываясь религиозными лозунгами, стали насаждать в республике культ насилия, переводить проблемы межконфессиональных отношений в криминальную плоскость и использовать их для оправдания своих преступных целей.

Так, например, в последние годы в республике участились нападения и подрывы торговых объектов, реализующих спиртные напитки и спиртосодержащую продукцию, прикрываясь тем, что шариатом наложен запрет на их продажу и употребление. Тем не менее, не подвергаются насилию со стороны бандподполья те объекты, владельцы которых платят «дань».

Территория Северного Кавказа насыщена вооруженными формированиями, многие из которых представляют собой бандформирования.

Об этом свидетельствует динамика бандитизма в Республике Дагестан за последние 20 лет, которая характеризуется следующими показателями: в 1993 г. – 3, в 1994 г. – 5, в 1995 г. – 20, в 1996 г. – 17, в 1997 г. – 8, в 1998 г. – 11, в 1999 г. – 9, в 2000 г. – 5, в 2001 г. – 9, в 2002 г. – 13, в 2003 г. – 7, в 2004 г. – 7, в 2005 г. – 2, в 2006 г. – 10, в 2007 г. – 7, в 2008 г. – 1, в 2009 г. – 2, в 2010 г. – 8, в 2011 г. – 15, 2012 г. – 83, а за январь 2013 г. – 21 преступление.

Такое же положение сложилось и в связи с межнациональными конфликтами в 1990-х годах, связанными с проблемой разделенного лезгинского народа. Есть также проблема переселенного с горной местности народа, проблема депортированного, репрессированного народа (чеченцы-аккинцы). Хотя данные проблемы, в основном, решены или носят вялотекущий характер, они привели к концентрации большого количества оружия и боеприпасов в руках некоторых лидеров национальных движений, члены которых нередко одновременно являются бандитами. Соответственно и оружие используется отнюдь не в «национальных» интересах.

Не менее важным является проблема нелегальных мигрантов. Отсутствие элементарных жизненных условий вынуждает некоторых из них вступать в вооруженные группы и заниматься преступным бизнесом.

В определенной степени, хотя и редко, наряду с изложенными обстоятельствами, бандитизм может порождаться и межличностными конфликтами. На практике встречаются случаи бандитизма из-за межличностных конфликтов на почве тяжкого оскорбления, кровной мести. Имеются случаи бандитских проявлений на почве криминальных конфликтов среди обычных преступных групп, их лидеров.

Анализ проявлений бандитизма по районам Дагестана показывает, что местности, где соблюдаются горские обычаи и традиции, менее поражены бандитизмом. Жители этих же районов, попадая в среду, где не соблюдаются никакие законные, шариатские, моральные или обычные нормы, криминализируются и нередко оказываются вовлеченными в состав вооруженных группировок. Здесь сказывается ослабление воспитательного влияния семьи, школы, специальных учебных заведений, трудового коллектива.

В блоке общей причины преступности важное значение имеет нравственное состояние общества. Одним из основных причин разгула бандитизма в республике является нравственное разложение общества. Это, в первую очередь, неуважение к прошлому, к истории республики и России в целом, несоблюдение обычаев и традиций предков. Соответственно и нравственное воспитание находится на низком уровне. Культ насилия и вседозволенности, отсутствие цензуры за средствами массовой информации, противопоставление патриотизму и коллективизму эгоизма породили нравственных уродов среди неискушенной молодежи, для которых нет ничего святого.

Средства массовой информации республики нередко односторонне комментируют и дают тенденциозную оценку происходящим в республике событиям. Идет сплошь и рядом

пропаганда «двойной» идеологии, «двойной» морали. А в информационном пространстве федерального уровня в последние годы идёт постоянное нагнетание негатива о республике и создание вокруг него негативного информационного фона.

Отсутствие нравственного воспитания обуславливает наличие у большей части молодежи низменных инстинктов, привычек и нравов, вымывание из их сознания возвышенных моральных ценностей и установок, привитие духа стяжательства и потребительства. Для большинства членов бандформирований как раз и характерно полное безразличие к мнению других о своем поведении, к окружающим, семье. Главная цель их жизни – обогащение и легкая, беззаботная жизнь, неумное потребление. Если в прошлом для всех народностей Республики Дагестан было характерно соблюдение нравственных, возвышенных обычаев, традиций, обрядов, то в настоящее время они предаются забвению и их место занял культ насилия.

Во многом и по этой причине растут масштабы более скрытного, не менее опасного явления – безнадзорности среди детей и подростков. А ведь последняя – одно из значимых условий (база) для появления и развития целого ряда иных, в том числе более опасных, видов отклонений в поведении: пьянства, наркомании, насилия, агрессии, экстремизма, проституции, насильственной преступности и т. п.⁹

Статистическая и конкретно-эмпирическая характеристика бандитизма позволяет выделить в качестве его причины доступность и распространенность оружия. Это подтверждается и при опросе различных слоев населения. Абсолютное большинство респондентов определяет этот фактор в качестве одного из основных криминогенных детерминантов бандитизма.

Практика свидетельствует, что большое количество оружия, взрывчатых веществ и взрывных устройств, которые являются орудием совершения преступлений, находится в незаконном обороте, то есть вне сферы государственного контроля¹⁰.

Существенно изменилась социальная среда, где обитает человек, она стала аморфной, расслоенной и ущербной. Микросфера во многих случаях криминализирована, а это «благодатная» почва для взращивания изощренных и опасных преступников, каковыми являются участники бандформирований.

Обобщая исследованный материал, можно в концентрированном виде обозначить личностные факторы, влияющие на образование и функционирование бандформирований:

- социально заниженный профессиональный (трудовой) статус личности;
- формирование корыстно-паразитической мотивации у личности, проповедь потребительского образа жизни;
- отсутствие нормальной сферы досуга для молодежи;
- рост уголовного рецидива и профессиональной преступности;
- деформация досугово-бытовых интересов, потребностей, привычек, выражающихся в стремлении к пьянству, наркотикам, азартным играм;
- потребительно-эгоистическая атмосфера, как и атмосфера насилия в микросреде;
- низкий уровень культуры, сознательности и нравственности;
- слабая работа правоохранительных органов, их самоуспокоенность и растерянность, низкая раскрываемость бандитизма;
- рост незаконного оборота оружия, наркотиков;
- политика либерализации уголовного закона.

⁹ Сибиряков, С. Л. О некоторых истоках современного экстремизма и возможных путях его раннего предупреждения // Материалы Всероссийской науч. – практ. конф. (г. Махачкала, 20–21 ноября 2008 г.). Т. 2. Махачкала: Лотос, 2008. С. 123.

¹⁰ Филатова, Е. Г. Уголовно-правовая, криминологическая и криминалистическая характеристики преступлений, совершенных с использованием огнестрельного оружия и взрывных устройств: лекция. М.: ВНИИ МВД РФ, 1995. С. 3.

В годы так называемой перестройки и экономических реформ и в настоящее время тем более, когда преступность приобрела разгульный характер и невиданные ранее масштабы, контрольная и предупредительная функции уголовной ответственности и наказания резко снизились, а авторитет и незыблемость закона по существу подорваны. «Это и явилось результатом порочной, мягко говоря, четко неопределенной уголовной политики в верхних эшелонах власти, а также дезориентации правоохранительных органов на местах, чему в известной мере способствовали сомнительные теоретические послышки»¹¹.

Говоря о факторах бандитизма, следует сказать о том, что в криминологических исследованиях фиксируется взаимосвязь разных видов преступности: экономической, общеуголовной, террористической и коррупционной направленности. Такая взаимосвязь определяет взаимодополняемость этих разновидностей организованной преступной деятельности, которая оказывается возможной благодаря слабой работе правоохранительных органов Дагестана в части предупреждения организованной преступности в целом.

Анализ материалов уголовных дел в отношении организованных преступных групп, занимающихся бандитизмом, показал, что во многих случаях причинами продолжительной их антиобщественной деятельности явились серьезные недостатки в работе оперативно-розыскных подразделений правоохранительных органов. Крайне редко применяются на практике такие продуктивные специальные мероприятия в борьбе с бандитизмом и организованной преступностью, как оперативное внедрение, контролируемая поставка, оперативный эксперимент, создание и использование легендируемых организаций и предприятий, а также нетрадиционные методы (дезинформация членов банды через СМИ; анонимные сообщения по телефону, через негласных сотрудников с целью посеять недоверие членов банды друг к другу; имитация вербовки членов банды с доведением до сведения организатора (главаря) банды; имитация согласия оперативных работников на оперативные контакты с отдельными членами банды и передачу сведения об этом организатору (главарю) банды якобы из надежных источников; создание специальных оперативных групп, имитирующих преступную деятельность, вывод их на контакт с бандой с целью ее ликвидации или задержания организатора (главаря) банды).

Исследования показывают, что лидеры и наиболее активные участники бандформирований остаются непривлеченными к уголовной ответственности, они плохо выявляются и разыскиваются. Ведение ими антиобщественного образа жизни в течение длительного времени органами внутренних дел и другими правоохранительными органами зачастую не выявляется и не пресекается. На учете состоит только часть из них.

Так, например, четыре ранее судимых жителя Кайтагского и Дербентского районов РД, один из которых отбывал условное наказание за тяжкое преступление, в начале 2011 года объединились в банду и в течение трёх месяцев (февраль – апрель) совершили на территории г. Дербент, Дербентского и Кайтагского районов 11 преступлений, в том числе 1 двойное убийство, 1 изнасилование, 1 незаконное ношение оружия, 4 разбойных нападения, 1 грабёж, 3 кражи с проникновением в помещения и жилища. Изучение материалов данного уголовного дела показало, что в течение трёх месяцев бандиты с огнестрельным и холодным оружием свободно перемещались на территории трёх муниципальных образований через КПП и контрольно-заградительные посты ДПС ГИБДД. Проверка показала, что ни оперативные работники, ни участковые уполномоченные территориальных ОВД, ни сотрудники уголовно-исполнительной системы не осуществили за весь этот период контроль за поведением членов банды, хотя они находились на профилактических учётах этих подразделений¹².

¹¹ Астемиров, З. А. Проблемы уголовной ответственности и наказания. Махачкала: ДГУ, 1994. С. 101.

¹² Архив Верховного Суда РД. Уголовное дело № 2-24/12.

Как правильно отмечает С. В. Бородин, «в результате ложно понимаемой гуманизации зачастую к преступникам-рецидивистам и лицам, обвиняемым в совершении тяжких преступлений, не применялась мера пресечения в виде заключения под стражу»¹³.

Во многих случаях длительное существование банд стало возможным в связи с неудовлетворительной организацией розыска скрывшихся от следствия опасных преступников. Так, по нашим данным, к уголовной ответственности привлечен лишь каждый пятый организатор бандгрупп, остальные находятся в розыске.

Следует сказать и о серьезных недостатках в организации реагирования на сообщения об опасных преступлениях.

Грубые ошибки и недостатки предварительного следствия, особенно на первоначальном этапе расследования преступлений, приводили к тому, что виновные своевременно не изобличались и к ответственности не привлекались. Уголовные дела о прежних преступлениях со стороны бандгрупп в одно производство не соединялись. Ошибки и упущения при создании доказательственной базы, слабое осуществление осмотра места происшествия и других процессуальных действий, неустановление квалифицированных признаков бандитизма приводили к «дроблению» в судах многих уголовных дел на ряд других составов: кражи, грабежи, разбой, незаконное ношение и хранение оружия и т. д. Во всем этом мы усматриваем неадекватную уголовно-правовую оценку фактам бандитизма.

Одной из причин разгула бандитизма является и слабая эффективность действий дежурных нарядов полиции. Работа оперативно-следственной группы или бригады начинается не с момента получения сигнала о нападении, а значительно позже, после соединения ряда уголовных дел в одно производство.

Слаба роль патрульно-постовой службы в борьбе с бандитизмом. Отсутствие на основных маршрутах городов патрульно-постовых нарядов способствует росту числа нападений бандгрупп.

Нельзя не отметить и факт слабой профессиональной подготовки некоторых сотрудников правоохранительных органов, а в этой связи, как справедливо подчеркивается в специальной литературе, возможность появления у подозреваемого с момента задержания адвоката и предоставления ему возможности общаться с подозреваемым один на один, свобода передачи записок, корректировки линии его поведения и показаний позволяет противодействовать расследованию преступлений, установлению истины.

Серьезной причиной размаха бандитизма является и коррупция в системе правоохранительных и других государственных органов. При опросе из 300 респондентов 68 % указали, что размах бандитизма непосредственно связан с разгулом коррупции в правоохранительных и других государственных органах.

Рост бандитизма обусловлен также тем, что бандформированиям не давалась реальная оценка в следственной, прокурорской и судебной практике, желанием правоохранительных органов показать благополучное состояние преступности, разобщенностью и слабым взаимодействием всех государственных и правоохранительных органов, призванных бороться с этим злом. Распространена практика искусственного улучшения результатов оперативно-служебной деятельности за счёт постановки на учёт дополнительных эпизодов преступной деятельности. Из общего числа поставленных на учёт фактов бандитизма и организации преступного сообщества 77,7 % являются дополнительными эпизодами (73 из 94).

Нередко слабость, а порой беспомощность правоохранительных органов проявляется в процессе обеспечения доказательственной базы при рассмотрении в судах уголовных дел о бандитизме. После направления в суды уголовных дел по бандитизму большинство свидетелей и потерпевших по этим делам отказываются от своих первоначальных показаний.

¹³ Бородин, С. В. Борьба с преступностью: теоретическая модель комплексной программы. М.: Наука, 1990. С. 46.

Имеются достаточные основания полагать, что это делается под давлением родственников и сторонников арестованных бандитов, путем подкупов или прямых угроз расправы. Такие факты имели место при рассмотрении в судах уголовных дел.

Судебная практика по делам рассматриваемой категории характеризуется применением не всегда достаточно суровых мер наказания к виновным. Проведенный анализ показал, что большинство осужденных судами лиц оказались на свободе в связи с назначением им незначительных наказаний и в дальнейшем продолжили преступную деятельность в более крупных масштабах. Принимая подобные решения, суды не давали оценки тому обстоятельству, что в результате действий бандформирований республике и отдельным гражданам был причинен необратимый физический и моральный вред, огромный материальный ущерб. В результате действий бандподполья на территории республики за 2011–2012 гг. погибло 124/137 и ранено 323/318 сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих и местных жителей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судебная практика по уголовным делам о бандитизме является необоснованно щадящей, откровенно либеральной.

К условиям, способствующим бандитизму, относятся: слабая техническая защищенность жилищ и хранилищ; недостатки борьбы со сбытом похищенного имущества; доступность и наличие у преступников различного оружия; беспечное отношение граждан к хранению своего имущества; отсутствие контроля за посторонними лицами в местах массового пребывания людей; виктимное поведение потерпевших, проявляющих корысть, алчность, пренебрежение общепринятыми нормами поведения и др.

Об объективных признаках убийства при эксцессе обороны

А. С. Аршинов,

*старший преподаватель кафедры организации правоохранительной
деятельности и криминалистики Северо-Кавказского гуманитарно-
технического института*

Уголовно-правовая характеристика объективных признаков состава убийства, совершенного при превышении пределов необходимой обороны, начинается с характеристики объекта преступления. Только с учётом особенностей объекта можно понять специфику превышения пределов необходимой обороны, дать правильную квалификацию образующих такое превышение действий, отграничить их от сходных преступных и не преступных деяний, установить пределы уголовной ответственности за эксцесс обороны¹⁴.

Объектом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, является жизнь другого человека. Жизнь любого человека – всегда бесценное благо, не зависящее от той или иной характеристики потерпевшего. Ценность объекта убийства как такового не претерпевает каких-либо изменений в зависимости от вида убийства. Вместе с тем уголовный закон за рассматриваемый вид преступления устанавливает существенно более низкие санкции. Объясняется это тем, что жизнь посягающего менее ценное благо, чем любого другого законопослушного человека.

Однако понятие жизни нельзя рассматривать только как биологический процесс, так как жизнь человека носит общественный характер. Поэтому прав был Б. С. Никифоров, который считал, что «нельзя отделять интересы личности от неё самой и затем выводить личность за рамки общественных отношений»¹⁵.

Противоположную точку зрения высказывал А. Н. Красиков, который утверждал, что виновный, совершая преступление, посягает прежде всего на право лица, а не на те общественные отношения, которые призвано защищать право. По его мнению, непосредственным объектом посягательства при убийстве является «право на жизнь»¹⁶.

С данным подходом трудно согласиться. Включение термина «право» в непосредственный объект преступления ничего не добавляет, а лишь усложняет его правильное понимание. Провозглашённые в Конституции РФ право на жизнь, право на личную неприкосновенность и другие права предназначены для непосредственного пользования ими. Защита этих благ осуществляется с помощью целого комплекса общественных отношений, а непосредственный объект посягательства выражает их сущность. Со смертью человека прекращаются и общественные отношения, связанные с охраной его личности, прекращается и уголовно-правовая охрана его жизни.

Потерпевшими при эксцессе обороны выступают любые лица, независимо от возраста и психического состояния, совершившие акт посягательства. Соответственно, посягательство, совершенное лицом не подлежащим уголовной ответственности, не отменяет право лица на оборонительные действия. Осведомленность обороняющегося лица об этих обстоятельствах никак не должна менять оценку его оборонительных действий.

Потерпевшими при убийстве, совершенном при превышении пределов необходимой обороны, не могут выступать третьи лица. Если с целью защиты от общественно опасного

¹⁴ Тишкевич, И. С. Условия и пределы необходимой обороны. М., 1969. С. 103.

¹⁵ Никифоров, Б. С. Объект преступления по советскому уголовному праву. М., 1960. С. 93.

¹⁶ Красиков, А. Н. Уголовно-правовая охрана прав и свобод человека в России. Саратов, 1996. С. 2–3.

посягательства вред причиняется лицу, непричастному к нападению, то действия обороняющегося не образуют необходимой обороны и, соответственно, не рассматриваются как превышение ее пределов. Причинение в таких случаях вреда третьему лицу должно оцениваться по правилам о крайней необходимости. Если при этом состояние крайней необходимости не возникает, то наступает ответственность на общих основаниях.

Если вред третьим лицам причинен случайно или по неосторожности при защите от общественно опасного посягательства, то и в этом случае не применимы правила о необходимой обороне. Действия обороняющегося по отношению к третьим лицам подлежат квалификации как за неосторожное преступление, либо вообще будет исключена уголовная ответственность за случайное причинение вреда.

Не может рассматриваться как превышение пределов необходимой обороны причинение при защите от общественно опасного посягательства вреда не нападающему, а лицу, ошибочно принятому за нападающего. Такие действия должны квалифицироваться по правилам о фактической ошибке, то есть в зависимости от наличия или отсутствия вины.

В соответствии с указаниями Уголовного кодекса РФ уголовно наказуемое превышение пределов необходимой обороны имеет место лишь в случаях наступления смерти или тяжкого вреда здоровью посягающего лица. Убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны, относится к материальным составам, то есть в объективную сторону в качестве обязательного признака включено не только деяние, но и общественно опасное последствие, а также причинная связь между деянием и последствием. Таким образом, объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 108 УК РФ, складывается из действий, в которых выразилось превышение пределов необходимой обороны, его общественно опасных последствий (смерть), и причинной связи между действием и результатом.

По мнению абсолютного большинства учёных, необходимая оборона возможна только в результате активных действий. Следовательно, превышение пределов необходимой обороны – это активное действие, направленное на отражение посягательства. Посягательство как основание для применения необходимой обороны совершается путём общественно опасного действия по своему характеру открытого, агрессивного. В юридической литературе такого рода посягательство именуется нападением. Отразить активное общественно опасное посягательство путём бездействия нельзя. Можно не допустить наступления вредных последствий путём уклонения от отрицательного воздействия посягающего. Но в этом случае не будет обороны, так как уголовный закон под защитой понимает такую оборону, которая сопровождается причинением посягающему вреда. Причинить же вред лицу, активно посягающему, путём бездействия нельзя.

Иной, противоположной точки зрения придерживался Т. Г. Шавгулидзе, который считал, что «необходимая оборона может быть осуществлена как путём действия, так и путём бездействия», при этом он тут же делает оговорку о том, что «логически возможное осуществление необходимой обороны путём бездействия на практике может выразиться в исключительных случаях, очень редко»¹⁷. Таких случаев нет, и вряд ли они возможны. Итак, бездействие и необходимая оборона исключают друг друга, и она возможна только в форме действий.

Вторым признаком объективной стороны рассматриваемого преступления является наличие общественно опасных последствий – смерти посягающего лица. Названные последствия предусмотрены в диспозиции ч. 1 ст. 108 УК РФ. Поэтому оконченным это преступление может быть признано лишь в случае наступления вышеуказанных последствий, поскольку состав преступления по своей конструкции является материальным.

¹⁷ Шавгулидзе, Т. Г. Необходимая оборона. Тбилиси, 1966. С. 98–99.

Согласно п. 2 Правил определения момента смерти человека, в том числе критериев и процедуры установления смерти человека, утвержденных Постановлением Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 950, моментом смерти человека является момент смерти его мозга или его биологической смерти (необратимой гибели человека).

Убийство при превышении пределов необходимой обороны признаётся оконченным с момента наступления смерти посягающего. При этом не важно, когда наступила смерть: немедленно или спустя какое-то время. Уголовный кодекс РФ не устанавливает каких-либо сроков наступления смерти, если у виновного был умысел на убийство.

Убийство, совершённое при превышении пределов необходимой обороны, в некоторых случаях может иметь одно или несколько отягчающих обстоятельств, указанных в ч. 2 ст. 105 и ч. 2 ст. 111 УК РФ. В подобных случаях возникает конкуренция специальных норм. Исходя из общих правил квалификации при данном виде конкуренции, применению подлежит состав преступления со смягчающими обстоятельствами. Верховный Суд РФ в п. 16 Постановления Пленума «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» от 27 января 1999 г. № 1 по этому поводу разъяснил, что «убийство не должно расцениваться как совершённое при квалифицирующих признаках, предусмотренных п.п. «а», «г», «е» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а также при обстоятельствах, с которыми обычно связано представление об особой жестокости (в частности, множественность ранений, убийство в присутствии близких потерпевшему лиц), если оно совершено... при превышении пределов необходимой обороны».

Причинная связь между общественно опасным действием и наступившими последствиями, является третьим обязательным признаком материальных составов преступлений. Отсутствие такой связи исключает состав преступления и, следовательно, уголовную ответственность в целом.

Причинная связь устанавливается между начальным и конечным моментом преступления, которое совершается в конкретной обстановке. При определении причинной связи необходимо установить временную последовательность деяния и следствия. Деяние, принимаемое за причину, всегда предшествует последствию, признаваемому следствием.

Деяние, которое выступает в качестве причины, представляет собой необходимое условие наступления общественно опасного последствия. Деяние является таким условием, без которого определенные последствия не наступили и не могли наступить.

Причинная связь между общественно опасным деянием и общественно опасным последствием является необходимой и закономерной в том случае, если деяние выступает в роли необходимого условия наступления этого последствия. Из этого следует, что деяние является причиной наступления последствия только в том случае, если оно выступает и необходимым условием и непосредственной причиной.

Обязательным условием рассматриваемого состава преступления является обстановка его совершения. Под обстановкой в данном случае следует понимать наличие общественно опасного посягательства на правоохраняемые интересы или непосредственной угрозы такого посягательства. При этом обстановка необходимой обороны включает в себя не только преступное посягательство, но и силы, средства и возможности обороняющегося по отражению данного посягательства, а также иные объективные факторы, определяющие соотношение сил посягающего и обороняющегося.

Иные факультативные признаки объективной стороны преступления: место, время, способ, орудия и средства могут способствовать возникновению у обороняющегося ошибки в оценке характера и опасности посягательства и служить одним из оснований признания превышения пределов необходимой обороны деянием непроступным.

К вопросу о концептуальных основах освобождения от уголовной ответственности по нормам особенной части УК РФ

Р. Б. Байрамуков,

соискатель Московского государственного юридического университета им.

О. Е. Кутафина

Освобождение от уголовной ответственности является одним из наиболее сложных в теоретическом понимании и практическом применении институтов уголовного права. Отечественное уголовное законодательство имеет довольно длительную историю эволюции «общеуголовного» освобождения от уголовной ответственности, законодательно оформленного в Общей части УК и детально изученную в литературе.

Однако, наряду с системой «общеуголовных» видов освобождения от уголовной ответственности, в Особенной части уголовного законодательства получил развитие институт освобождения от уголовной ответственности за конкретные преступления (нередко в литературе его называют «специальными видами освобождения от уголовной ответственности»). Обычно освобождение от уголовной ответственности связывается по нормам Особенной части УК РФ (и вполне справедливо) с проявлением гуманистического начала в уголовном праве и уголовном законодательстве. В отечественной теории круг принципиальных проблемных вопросов, касающихся освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ, традиционно сводился и сводится к следующим:

1. Является ли такое освобождение от уголовной ответственности самостоятельным институтом уголовного права или носит «комплексный» характер?

2. Соответствует ли принципу законности и конституционным презумпциям (презумпции невиновности) само существование института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ или оно диктуется лишь соображениями целесообразности уголовной репрессии?

3. В чем состоит функциональное предназначение освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ в плане государственной уголовной политики?

4. Каковы формально-юридические последствия применения норм об освобождении от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ?

С принятием УК РФ 1996 г. и расширением системы освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ интерес к данной проблематике значительно возрос, хотя данный институт, как правило, по-прежнему рассматривается в виде «специального вида деятельного раскаяния» (работы А. Г. Калугина, А. В. Савкина, В. В. Сверчкова и др.; диссертационные исследования И. В. Миронова¹⁸, Х. С. Шакирова¹⁹).

С другой стороны, в доктрине появились работы, в которых говорится об иной правовой природе рассматриваемого вида освобождения от уголовной ответственности (А. Г. Антонов, В. А. Кушнарев, В. В. Мальцев, А. И. Рарог, П. С. Яни и др.). Применительно к действующему законодательству проблемы освобождения от уголовной ответственности

¹⁸ *Миронов, И. В.* Освобождение от уголовной ответственности в связи со специальными видами деятельного раскаяния (проблемы теории и практики): авто-реф. дис... канд. юрид. наук. Краснодар, 2005.

¹⁹ *Шакиров, Х. С.* Общий и специальные виды освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием: автореф. дис... канд. юрид. наук. Казань, 2005.

по нормам Особенной части УК РФ исследовались в диссертациях Ю. В. Арсентьевой²⁰, Е. Д. Ермаковой²¹, А. В. Каболова²², Р. Г. Камнева²³, В. В. Наумова²⁴. Особо следует выделить монографию А. Г. Антонова²⁵.

Несмотря на немалое количество трудов, посвященных указанным проблемам, в теории уголовного права отсутствует единство в понимании юридической природы и значения института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ. Кроме того, научные разработки не всегда «успевают» за развитием уголовного законодательства, ведь законодательное определение видов, оснований и условий освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ тоже меняется в связи с модернизацией самого Уголовного закона.

В отечественной литературе не получил разрешения целый ряд теоретических и правоприменительных проблем, связанных с пониманием и применением норм Особенной части об освобождении от уголовной ответственности (например, характер обязательности либо факультативности такого освобождения для правоприменителя; возможность освобождения по нормам Особенной части УК РФ при наличии в деянии субъекта иного состава преступления; соотношение норм Особенной части УК РФ с «общеуголовными видами освобождения от ответственности, предусмотренных ст. ст. 75-761 УК РФ).

Полагаем, что разработка концепции института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ должна строиться на следующих основных посылах:

1. Освобождение от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ является одним из наиболее эффективных средств дифференциации уголовной ответственности на законодательном уровне. Глубинный смысл существования института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ состоит в необходимости сбалансированного решения охранительной и предупредительной задач уголовного законодательства.

2. Социально-юридическая обусловленность института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ носит комплексный характер. В ней взаимосвязаны интересы государственной уголовной политики («компромисс» в борьбе с преступностью с целью максимально возможной минимизации вреда, причиненного совершенным преступлением), требование соблюдения принципов уголовного законодательства, учета личностных характеристик совершившего преступление лица, а также целесообразности и экономии уголовной репрессии.

3. Законное существование института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ возможно в ситуации параллельного соблюдения презумпций невиновности и материального правоотношения ответственности, вытекающих из предписаний Конституции РФ и актов международного права. Во избежание формального противоречия между презумпцией невиновности и институтом освобождения от уголовной ответственности под «лицом, совершившим преступление» следует понимать лицо, совер-

²⁰ Арсентьева, Ю. В. Специальные виды освобождения от ответственности по уголовному законодательству России: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2007.

²¹ Ермакова, Е. Д. Специальные случаи освобождения от уголовной ответственности в уголовном праве России: автореф. дис... канд. юрид. наук. Рязань, 2006.

²² Каболов, А. В. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности и наказания: автореф. дис... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2004.

²³ Камнев, Р. Г. Обстановка совершения преступления и специальные основания освобождения от уголовной ответственности: автореф. дис... канд. юрид. наук. Самара, 2009.

²⁴ Наумова, В. В. Уголовно-правовая характеристика освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2011.

²⁵ Антонов, А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: монография. Кемерово, 2012.

шившее деяние, содержащее признаки преступления, и подлежащее уголовной ответственности.

4. Освобождение от уголовной ответственности по существующим в Особенной части УК РФ основаниям должно прекращать охранительное правоотношение уголовной ответственности и аннулировать все правовые последствия совершения преступного деяния. Поэтому необходимо исключение законодательной «увязки» возможности такого освобождения с отсутствием в действиях субъекта иного состава преступления.

5. Перспектива развития института освобождения от уголовной ответственности по нормам Особенной части УК РФ видится в следующем: а) в случае противоречия положений норм Особенной части УК РФ нормам об «общеуголовном» освобождении от ответственности приоритетному применению должна подлежать норма Особенной части УК РФ как специальная; б) противоречащим основным тенденциям развития уголовного закона является сохранение в Особенной части УК РФ (ст. ст. 337, 338) возможности факультативного освобождения от уголовной ответственности – оно должно стать обязательным для правоприменителя.

Влияние патопсихологических особенностей личности на механизм преступного поведения

Д. Д. Берсей,

*доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических
наук, доцент*

Как подчеркивает Г. Кайзер, «основное положение, согласно которому преступники отличаются от неправоверных свойствами личности, оказалось столь устойчивым, что оно, несмотря на вескую критику, до настоящего времени не поколеблено решительным образом».

Судебная психиатрия изучает психологические особенности личности преступника: вменяемость или невменяемость и влияние психических нарушений на способность человека отдавать отчет в своих действиях и руководить ими²⁶.

Наличие психических аномалий помогает понять причину совершения некоторых видов преступлений, в частности насильственных преступлений. Как пишет Ю. М. Антонян, отдельные преступления могут совершаться людьми, имеющими отклонения в психике, однако эти отклонения могут не иметь никакого отношения к преступлению (например, совершение хищения психопатом). В зависимости от формы, группы и стойкости психических аномалий они могут быть криминогенны в одних случаях и совершенно нейтральны в других»²⁷.

Однако возможности использования психиатрических факторов для объяснения преступного поведения ограничены, поскольку криминогенные аномалии обуславливаются и формами патологических изменений личности, которые могут иметь временный, преходящий характер с последующим восстановлением личности либо структурный, необратимый — с последующим дефектом личности²⁸.

Криминологическое изучение личности предполагает учет индивидуальных психических особенностей и социально значимых биологических свойств, которые играют важную роль в механизме преступного поведения.

Исследование патопсихологических особенностей личности имеет большое значение для решения вопроса о соотношении биологического и социального в развитии психики и влиянии их на преступное поведение. Нарушение личности не означает «высвобождения» её биологических инстинктов и потребностей, а характеризуется, прежде всего, изменением самих человеческих мотивов и потребностей. Таким образом, результат изучения криминогенности психических патологий, в конечном счете, сводится в поиске непосредственной связи между патологией психики и преступлением.

Ряд авторов считают, что психические отклонения выступают в качестве катализирующего фактора взаимодействия в механизме преступного поведения при ведущем факторе нравственной невоспитанности, усугубляя при этом социальную дезадаптацию, но не определяя социальной направленности конкретных действий. Позиция Ю. М. Антоняна и В. В. Гульдана по этому поводу, что психические отклонения существенно влияют на социальную направленность конкретных действий²⁹.

²⁶ Кайзер, Г. Криминология. Введение в основы. М., 1979. С. 100.

²⁷ Антонян, Ю. М. Изучение личности преступника: учебное пособие. М., 1982. С. 15.

²⁸ Меграбян, А. А. Общая психопатология. М., 1972. С. 223.

²⁹ Антонян, Ю. М., Гульдан, В. В. Криминальная патопсихология. С. 38.

В. Н. Бурлаков считает, что «если личность не имеет возможности контролировать и оценивать свои действия, так как непосредственной причиной оных является психическое заболевание, следует говорить о невменяемости субъекта, а значит, поведение не может рассматриваться как преступное»³⁰.

Психические девиации, считает В. Н. Бурлаков, непосредственно не представляют собой причину преступного поведения, а выступают в качестве условия такового. Таким образом, психические расстройства, преломляясь через психологию субъекта, опосредованно влияют на процесс совершения преступления.

В результате изучения криминогенности психической патологии В. Н. Бурлаков и Н. Д. Гомонов отметили, что психологические изменения вызываются расстройствами психики, но причиной преступного поведения все же выступают первые, но не вторые. Отсюда определяются возможности воздействия в плане нейтрализации криминогенного эффекта психоаномального фактора как на психические девиации непосредственно, так и на патопсихологический компонент механизма преступного поведения. Занимаясь предупреждением, необходимо помнить, что поведение человека, в том числе и лиц с психическими девиациями, всегда определяется психологическими механизмами³¹.

Изучение материалов уголовных дел позволило сделать вывод о том, что преступное поведение лиц с патопсихологическими отклонениями находится во взаимосвязи с антисоциальными установками личности. Для них характерно снижение или полное отсутствие механизмов поведенческого контроля, которое было обусловлено психопатологическими компонентами.

Тревожность, агрессивность, жестокость, конфликтность, ригидность и другие черты преступников с психическими аномалиями тесно связаны с нарушениями личности, восприятия, памяти, мышления, умственной работоспособности, что приводит к образованию нового системного качества – дезадаптированности таких субъектов, их отчуждению от общества, малых социальных групп и их ценностей.

Дезадаптация, отчужденность преступников с психическими аномалиями, ощущение враждебности окружающего мира способны породить ответную агрессию как способ защиты от чаще всего воображаемого нападения, что, как правило, и лежит в основе мотивации многих тяжких преступлений против личности.

Психические отклонения, непосредственно не представляя собой причину преступного поведения, выступают в качестве условия такового. Психические расстройства, преломляясь через психологию субъекта, опосредованно влияют на процесс совершения преступления.

Социальная изоляция правонарушителей с психическими аномалиями от нормальных контактов в микросреде обычно приводит к тому, что они ищут признания среди подобных себе. Это выражается в разрыве или значительном ослаблении общественно полезных связей с семьей, трудовыми коллективами и т. д. и уходе в первичные группы антиобщественной направленности, что особенно характерно для алкоголиков и наркоманов. Такие обстоятельства могут явиться одной из причин существования групповой преступности, особенно если рассматривать группу как общность, в которой личность получает возможность проявить свою индивидуальность, ощущает поддержку и признание³².

В мотивации поведения психопатических личностей мотивы психопатической самореализации могут реализоваться в зависимости от социальных обстоятельств как в анти-

³⁰ Бурлаков, В. Н., Гомонов, Н. Д. Психологические особенности личности и механизма преступного поведения // Правоведение. 2001. № 3. С. 14.

³¹ Балабанова, Л. М. Судебная патопсихология. Харьков, 1988. С. 25.

³² Антонян, Ю. М., Гульдан, В. В. Указ. соч. С. 38.

социальных, так и в социально приемлемых формах. Ф. В. Кондратьев предложил выразить связь между психопатологией и преступлением в виде комплекса «синдром – личность – ситуация». Формула «личность – ситуация» давно исследовалась в отечественной криминологии. Именно взаимодействие личности с ситуацией представляет собой источник преступления. По утверждению Ю. М. Антоняна и В. В. Гульдана, источником преступления является только личность, что наглядно видно, когда ситуация отнюдь не провоцирует на преступление³³. То есть каждая ситуация воспринимается субъектом в зависимости от его личностных особенностей и в этом состоит ее субъективное значение.

К вопросу о месте психических аномалий в детерминации преступного поведения. По мнению Н. Ф. Кузнецовой, у преступников имеет место сдвиг по сравнению с контрольной группой в сторону увеличения доли лиц с невротическими и психопатическими нарушениями; у лиц, имевших аномалии, отсутствует фатальная предрасположенность к преступлению³⁴.

По мнению Ю. М. Антоняна, не психические аномалии сами по себе активно способствуют преступному поведению, а те психологические особенности личности, которые формируются под их влиянием. То есть психические расстройства не ведут напрямую к преступлению без преломления через психологию субъекта. По этой причине и возникает необходимость проведения патопсихологического исследования, а не только психопатологического изучения. Если психические расстройства вызывают общественно опасные поступки, минуя психологию личности, то совершивший их человек должен считаться невменяемым. Поскольку психологические изменения вызываются расстройствами психики, то последние должны быть признаны субъективными причинами преступного поведения. Однако надлежащее воспитание, необходимая психокоррекция способны нейтрализовать криминогенный эффект психических аномалий. Но если такие усилия отсутствуют, преступное поведение становится весьма вероятным, особенно в отношении детей и подростков из неблагополучных семей.

³³ Кузнецова, Н. Ф. Проблемы криминологической детерминации. М., 1984. С. 34.

³⁴ Балабанова, Л. М. Указ. соч. С. 34.

Содержание целей уголовного наказания в виде принудительных работ

В. В. Буш,

*аспирант кафедры уголовного права и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета*

Проблема целей наказания является одной из главных в теории уголовного права, поскольку социальное значение наказания как раз и проявляется в достижении соответствующих целей.

В Толковом словаре русского языка цель определяется как «предмет стремления, то, что надо, желательно осуществить» и раскрывается её смысл через словосочетание: «В целях каких – для выполнения каких-нибудь дел, задач»³⁵. В Энциклопедическом словаре она определяется как «идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности. В качестве непосредственного мотива цель направляет и регулирует человеческую деятельность. Содержание цели зависит от объективных законов действительности, реальных возможностей субъекта и применяемых средств». В философии цель определяется как «идеально, деятельностью мышления положенный результат, ради достижения которого предпринимаются те или иные действия или деятельности, их идеальный, внутренне-побуждающий мотив»³⁶.

Уголовный кодекс РФ предусматривает следующие цели наказания:

- 1) восстановление социальной справедливости в виде реализации определённой совокупности его социальных установок;
- 2) исправление осуждённого;
- 3) предупреждение совершения новых преступлений.

Поскольку в судебной практике и литературе (а ранее и в законодательстве) предупреждение совершения новых преступлений дифференцировалось на специальное предупреждение, то есть предупреждение новых преступлений со стороны осуждённого, и общее предупреждение или предупреждение преступлений со стороны других лиц, можно признать, что перед наказанием стоят обе эти цели.

УК РФ отказался от дифференциации этих целей наказания. Однако это не означает их «отмены» законодателем. Перед принудительными работами, как и перед иными видами наказаний, по-прежнему стоят цели специального и общего предупреждения преступлений.

Как это видно из редакции ч. 2 ст. 43 УК РФ, на первое место среди целей наказания поставлена цель восстановления социальной справедливости. К тому же другие цели в ней указаны после соединительного союза «а также». Из этого, на наш взгляд, можно сделать два вывода: 1) восстановление социальной справедливости признано на законодательном уровне важнейшей социальной установкой уголовного наказания и 2) реализация цели восстановления социальной справедливости рассматривается в качестве необходимой предпосылки достижения других целей наказания.

Наказание в виде принудительных работ должно обеспечивать присущими ему средствами восстановление социальной справедливости, исправление осуждённого, специальное и общее предупреждение преступлений.

³⁵ Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азъ LTD, 1992. С. 905.

³⁶ Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 459.

В уголовном праве справедливость – понятие многоаспектное. Наиболее полно её раскрыли В. Н. Кудрявцев и С. Г. Келина. Они обозначили три уровня справедливости в уголовном праве: 1) справедливость криминализации; 2) справедливость санкции и 3) справедливость наказания, назначенного судом³⁷. Реализация справедливости на всех указанных уровнях выступает необходимым условием восстановления социальной справедливости, несправедливые криминализация, санкция и назначенное наказание объективно могут породить новую, еще большую несправедливость, никак не могут способствовать восстановлению и утверждению социальной справедливости.

Механизм восстановления социальной справедливости при назначении наказания в виде принудительных работ можно представить следующим образом: 1) реализация в отношении осуждённого карательных правоограничений и лишений тех или иных прав в сфере трудовой деятельности; 2) ограничение личной свободы осужденного; 3) моральная сатисфакция, удовлетворение возмущённого в связи с совершением преступления чувства справедливости у потерпевшего и в обществе в целом; 4) восстановление путём защиты законных интересов и прав, нарушенных преступлением, установление порядка, существовавшего до совершения преступления и демонстрация решимости государства неуклонно защищать права граждан, интересы общества и государственные ценности от преступных посягательств.

Конструктивный, созидательный характер в плане воздействия на личность виновного в совершении преступления придаёт наказанию в виде принудительных работ и цель исправления осуждённого. Рассматриваемое наказание, как и другие виды наказаний, по своему содержанию всегда выступает карой за совершенное преступление. Её претерпевание должно «отвращать» осуждённого от продолжения преступного поведения, создавать внутренние, индивидуально-психологические предпосылки для исправления, его сознательного воздержания от совершения новых преступлений.

Поскольку принудительные работы, как предполагается, должны назначаться тем лицам, которые, по убеждению суда, могут быть исправлены в условиях ограниченной изоляции, при этом сохраняя возможность поддержания социально полезных связей, достижение цели исправления представляется достаточно реальным и при реализации менее значительных правоограничений, характерных для данного вида наказания.

Реальность постановки цели исправления усматривается и в том, что характер наказания в виде принудительных работ, предполагает обязательное привлечение осуждённого к труду. Общественно полезный труд, как и любая иная деятельность, сам по себе оказывает положительное воздействие на личность. Поэтому вполне обоснованно в ч. 2 ст. 9 УИК РФ основным средством исправления осуждённых, наряду с установленным порядком исполнения и отбывания наказания (режимом), воспитательной работой, получением общего образования, профессиональной подготовкой и общественным воздействием, признаётся общественно полезный труд. Трудоустройство осужденных к принудительным работам, а также условия их труда в ст. ст. 60.7, 60.8 УИК РФ.

В соответствии с ч. 1 ст. 60.12 УИК РФ администрация исправительного центра осуществляет воспитательную работу с осуждёнными к принудительным работам. Следует отметить, что данная работа должна осуществляться с учетом личностных качеств осужденного, индивидуальных особенностей личности и обстоятельств совершенных ими преступлений. Данное обстоятельство законодательно закрепило обязательность реализации принципа индивидуализации не только при исполнении назначенного наказания, но и при применении основных средств исправления осужденного.

³⁷ Кудрявцев, В. Н., Келина, С. Г. О принципах советского уголовного права // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток, 1985. С. 9–10.

Достижение исправления осужденного, в рассматриваемом контексте, требует ответа на вопрос о том, в каком случае можно признавать осуждённого исправившимся, то есть о необходимом объёме позитивного изменения его личности. Ни в УК РФ, ни в УИК РФ не даётся определение исправления осуждённого как конечного результата деятельности по назначению и исполнению наказания. В ч. 1 ст. 9 УИК РФ раскрывается лишь понятие исправления осуждённого, рассматриваемого как процесс воздействия на него. «Исправление осуждённых, – отмечается в ней, – это формирование у них уважительного отношения к человеку, обществу, труду, нормам, правилам и традициям человеческого общежития и стимулирование правопослушного поведения». Если этот процесс завершается успешно, то по существу личность осуждённого должна быть с точки зрения не только уголовного закона, но и универсальных требований общества безупречной и «идеальной». Хотя он (результат) и представляется общественно желанным, однако наказание объективно не может обеспечить его достижение. Мы поэтому согласны с Ф. Р. Сундуровым в том, что цель исправления должна признаваться достигнутой при условии, если осуждённый осознанно воздерживается от совершения нового преступления. «Наказание, – далее продолжает он, выполняет строго конкретную социальную установку – обеспечить формирование законопослушной личности осуждённого в смысле соблюдения предписаний уголовного закона, и если осуждённый осознанно, на основе изменившихся нравственных представлений, воздерживается от совершения нового преступления, то в этом случае можно утверждать, что цель исправления достигнута»³⁸.

Значимость исправления осуждённых проявляется и в том, что оно наиболее радикальным образом обеспечивает достижение цели специального предупреждения преступлений. Последняя обеспечивается путём психологического воздействия на сознание осуждённого в процессе реализации правоограничений, свойственных наказаниям, предусматривающих обязательную трудовую деятельность осужденного. Конечно, степень этого воздействия несколько ниже, чем, допустим, при реализации наказаний, связанных с лишением. Тем не менее, поскольку рассматриваемое наказание, как альтернатива лишению свободы, назначается за совершение преступлений небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, можно предположить, что субъективно данной категорией осужденных карательное воздействие воспринимается как достаточно значимое. Поэтому наказание в виде принудительных работ способно обеспечивать сдерживающее влияние на поведение осуждённых.

Наказание в виде принудительных работ должно способствовать и достижению цели общего предупреждения, то есть предупреждению преступлений со стороны других лиц. Специфика данного наказания состоит в том, что оно предусматривает обязательную трудовую деятельность осужденного в условиях ограниченной свободы. Кроме того, в связи с тем, что данный вид наказания предусмотрен в законе и назначается, как правило, небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые, то вполне естественно, что его назначение виновным оказывает превентивное воздействие на тех лиц, которые склонны или могут (в связи со своим поведением) совершить именно такие преступления.

В литературе, кроме того, называется и конечная цель наказания – сокращение и ликвидация преступности³⁹. Рассматриваемый вид наказания функционально направлен на противодействие преступности в плане её сокращения. Однако его возможности, как и иных видов наказаний, достаточно ограничены, поскольку преступность порождается глубин-

³⁸ Сундуров, Ф. Р. Наказание и альтернативные меры в уголовном праве. Казань, 2005. С. 159–160.

³⁹ Афиногенов, Ю. А. Эффективность уголовного закона и общая превенция // Проблемы правового регулирования вопросов борьбы с преступностью. Владивосток, 1977. С. 19.

ными социальными противоречиями. Уголовное наказание вторично по отношению к преступности, оно не может устранить её причины, а призвано лишь устранять, преодолевать результат преступления.

Ответственность за кражу: 1917–1996 годы

Ю. В. Бышевский,

*доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета
Московского гуманитарного университета им. М. А. Шолохова, кандидат
юридических наук, доцент*

«Всякая концепция может быть правильно понимаема только тогда, когда известна ее история, – писал выдающийся русский ученый-юрист Д. А. Дриль, – это приложимо ко всем вопросам и явлениям общественной жизни, а в том числе, конечно, и к изучению явлений в области уголовного права»⁴⁰.

Мы попытаемся обратиться к ней, насколько это позволяет объем статьи, применительно к изучению уголовной ответственности за кражи, которая не только была, но и продолжает оставаться самым распространенным преступлением в структуре преступности. В качестве анализируемого нами выбран исторический период, который обозначен как советский (1917–1993 годы)⁴¹. Это теперь хотя и недалекая, но уже история.

Следует отметить, что в советский период история развития этого института, как никакого другого, предусматривавшего уголовную ответственность за конкретные виды преступлений, была весьма богата. Сравниться с ней, пожалуй, может лишь ответственность за убийство, которая также претерпела множественные изменения.

После «слома» старой государственной машины, в том числе правотворческой, зарождающееся советское законодательство в первую очередь принимало нормы, направленные на борьбу с преступлениями, представлявшими наибольшую на тот момент опасность: саботаж, контрреволюционные выступления, спекуляция и т. д. К наиболее опасным преступлениям относилось также посягательство на общественную собственность, однако уголовное законодательство почти не содержало норм о преступлениях против личности и имущества граждан. Тем не менее, уже в воззвании от 28 октября 1917 года Военно-революционный комитет (ВРК) пишет, что он «не допустит никакого нарушения революционного порядка», что «воровство, разбой, нападения, погромные попытки будут немедленно караться, и виновные в этих преступлениях будут беспощадно судимы Военно-революционным судом»⁴².

Ответственность за преступления в этот период регулировалась в основном специальными декретами и правовыми актами по некоторым отдельным составам преступлений. Так, к апрелю 1918 года существовало уже 17 специальных уголовно-правовых декретов и 15 актов, а к концу сентября 1918 года из 72 законов, содержащих уголовную санкцию, было издано:

- декретов и постановлений ЦИК и СНК – 55;
- постановлений наркоматов – 15;
- приказов наркоматов – 2⁴³.

Среди них фактически отсутствовали специальные нормы об ответственности за кражи, что объяснялось в частности тем, что советский суд в борьбе с подобными преступлениями не сталкивался с особыми трудностями. Д. И. Курский, говоря об этом, отмечал:

⁴⁰ Дриль, Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. М., 2006. С. 204. (Работа впервые издана в 1912 году).

⁴¹ Последний советский Уголовный кодекс (УК РСФСР) действовал до конца 1996 года.

⁴² Документы Великой пролетарской революции: сб. М., 1938. С. 71.

⁴³ Грингауз, Ш. К вопросу об уголовном праве и правотворчества масс в 1917 и 1918 гг. // Советское государство и право. 1940. № 3. С. 87.

«...в этой области для народного суда является бесспорным самая наличность в этом деянии признаков дезорганизации слагающихся новых социальных отношений, то есть преступности деяния...»⁴⁴. Естественно, что в этот период не могло быть (в силу указанных выше причин) и самого понятия кражи с уголовно-правовой точки зрения. В этом смысле, думается, резонно было бы руководствоваться последним дореволюционным законодательством, которым являлось Уголовное уложение 1903 года. Оно, кстати, объединило кражу и насильственный грабеж в один состав, обозначив его термином «воровство». Однако это противоречило идеологии новой власти, которая сначала фактически, а затем, в первых декретах о суде, и юридически отменила старые уголовные законы и запретила их применение, однако рекомендовала в случаях отсутствия прямых на то указаний руководствоваться социалистическим правосознанием.

Приверженность уголовно-правовых норм обстоятельствам конъюнктурного характера в первые годы советской власти более чем очевидна. Если не принимать во внимание блок так называемых «контрреволюционных» преступлений (саботаж, спекуляция, бандитизм и ряд других), кража как таковая не упоминается, однако сказать, что не было в целом уголовно-правовой реакции на хищения имущества, нельзя. В Положении о революционных трибуналах от 18 марта 1920 года, перечисляя дела, подсудные этим трибуналам, упомянуты «дела по крупным должностным преступлениям, лиц обвиняемых в хищениях, подлогах, участии в спекуляции, более выдающихся должностных преступлениях...»⁴⁵. В 1921 году «поднялась высоко волна хищений»⁴⁶. Декрет ВЦИК и СНК от 1 июля 1921 года устанавливал уголовную ответственность вплоть до высшей меры наказания за хищения из государственных складов и должностные преступления, способствующие хищению⁴⁷.

Характеризуя описываемый период в становлении советского уголовного законодательства, нельзя не упомянуть попытку его первой официальной кодификации. Она нашла свое отражение в изданных Народным комиссариатом юстиции 12 декабря 1919 года Руководящих началах по уголовному праву РСФСР⁴⁸. Однако это был правовой акт, касавшийся обобщения лишь норм общей части советского уголовного права, и он не затрагивал конкретных норм, регламентирующих ответственность за отдельные виды преступлений.

В 1920 году началась работа над проектом УК РСФСР. Конкретно это решение было принято на Третьем Всероссийском съезде деятелей юстиции в июне. Ровно через два года – 1 июня 1922 года он вступил в силу на всей территории РСФСР и действовал до 1 января 1927 года. Судя по времени разработки и отзывам ученых, проработка содержания этого документа была достаточно тщательной. Все ранее принятые, начиная с 1917 года, акты уголовно-правового содержания были отменены.

На смену УК РСФСР 1922 года, который просуществовал четыре с половиной года, пришел УК РСФСР 1926 года. Анализ юридической природы кражи целесообразно провести по одному и другому документам одновременно, поскольку, по мнению М. Д. Шаргородского: «Уголовный кодекс 1926 года не является принципиально отличным от Уголовного кодекса 1922 года. Издание его вызывалось необходимостью приведения в соответствие уголовного законодательства отдельных союзных республик с уголовным законодательством СССР»⁴⁹.

⁴⁴ Курский, Д. И. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 79.

⁴⁵ СУ РСФСР. 1920. № 22–23. Ст. 115.

⁴⁶ Из истории ВЧК: сб. М., 1958. С. 417.

⁴⁷ СУ РСФСР. 1921. № 49. Ст. 262.

⁴⁸ СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

⁴⁹ Шаргородский, М. Д. История советского уголовного права // Курс советского уголовного права. Часть общая. Т. 2. Л., 1970. С. 575.

Прежде всего, считаем необходимым отметить, что применительно к краже, уголовные кодексы 1922 и 1926 годов восприняли некоторые идеи Уголовного уложения 1903 года, например о единой уголовно-правовой охране государственного, общественного и личного имущества. В то же время они ушли от применения дефиниции «воровство», о чем мы уже упоминали выше. Применительно к краже оба кодекса используют понятие «похищение», однако с некоторой разницей. Статья 180 УК РСФСР 1922 года содержит следующую формулировку: «Кража, т. е. тайное похищение имущества, находящегося в обладании, пользовании или ведении другого лица или учреждения, карается...» и далее в зависимости от обстоятельств: способа, принадлежности имущества и т. д. В свою очередь, ст. 162 УК РСФСР 1926 года отказалась от столь расширительного толкования. В ней кража – это «тайное похищение чужого имущества...». Таким образом, несмотря на краткость, очевидна емкость этой формулировки, которая, к слову сказать, имеет место быть и в наше время, в ныне действующем УК РФ 1996 года, кроме одного: термин «похищение», имеющий несколько размытый характер, заменен на более конкретный – «хищение».

Кроме того, в квалифицирующих признаках ст. 180 УК РСФСР 1922 года выделяет:

- принадлежность имущества или место его нахождения: у частного лица, из государственных или общественных складов, других хранилищ, учреждений, вагонов паромов, барж и других судов;
- применение орудий или инструментов или других технических приспособлений и приемов;
- служебное положение виновного;
- систематичность;
- особо крупный размер (понятие в законе не раскрывается).

Имеются некоторые другие особенности. Пример: пункт «ж» этой статьи устанавливает ответственность за «квалифицированную кражу», однако здесь ее понятие не раскрывается. Оно раскрывается в пункте «б» как «совершенное по предварительному соглашению с другими лицами...» Этот же пункт «б» среди прочих обстоятельств выделяет ответственность для лиц, «занимающихся кражами как профессией, или когда похищенное было заведомо необходимым средством существования потерпевшего...». Для такого лица предусмотрено наказание до двух лет. Наказание по этой статье предусматривается в основном в виде «до одного года, не ниже двух или трех лет». Однако за хищение государственного имущества, «производившееся систематически или совершенное ответственными должностными лицами, или в особо крупных размерах» предусмотрена высшая мера наказания.

Уголовный Кодекс РСФСР 1926 года конкретизирует и «уплотняет» прежнюю «разбросанность» квалифицирующих признаков в составе преступления о краже, выделив среди них:

- неоднократность;
- применение технических средств;
- сговор;
- принадлежность имущества или место его нахождения;
- должностное положение виновного.

В примечании к статье оговариваются условия освобождения виновного от уголовной ответственности: «Кража материалов и орудий, совершенная на фабрике и заводе рабочим или служащим в пределах своего предприятия в первый раз и при стоимости похищенного не свыше пятнадцати рублей, влекут дисциплинарное взыскание по особой, устанавливаемой Народным Комиссариатом Труда, табели».

Конкретизированы меры ответственности: «до трех, до шести месяцев», «до года, до двух лет, до пяти лет», исключено наказание в виде высшей меры, предусмотрены принудительные работы. Однако такие мотивы краж, как нужда и безработица, «в отношении иму-

щества, заведомо являющегося необходимым для существования потерпевшего» в статье остаются, хотя меры наказания при этом снижены.

Отдельной статьей 166 УК РСФСР 1926 года выделено тайное похищение лошадей или другого крупного скота у трудового земледельческого населения, однако, кроме тайного, здесь предусматривается и открытое похищение. Эта норма предусматривала наказание до пяти лет, а за повторное или в сговоре – до восьми лет. По всей видимости, для тех времен это было достаточно актуальным.

Серьезный научный интерес и большое практическое значение имели ст. 181 УК 1922 года и ст. 164 УК 1926 года. Обе они назывались одинаково: «Покупка заведомо краденного». Имея одинаковую диспозицию, они отличались лишь санкциями за содеянное. Мы склонны расценивать юридическую природу этого состава как дополняющего (развивающего) уголовную ответственность за кражу. Состав исключительно полезен, как с точки зрения предупреждения (общей и частной превенции), так и с точки зрения расследования самих краж. К сожалению, нам не встретились исследования, специально посвященные этому вопросу, хотя они явно этого заслуживают.

В статье 163 УК РСФСР 1926 года предусмотрена ответственность за кражу электрической энергии в виде лишения свободы на срок до одного месяца, где предусматривалось обязательное возмещение ущерба. Квалифицирующих признаков статья не содержала.

К слову сказать, в настоящее время проблема «утечки» электроэнергии является весьма актуальной. Из-за мошенников, которые «подкручивают» счетчики, энергетики несут ежегодно многомиллионные потери. В Интернете практически в открытую предлагаются различные способы хищения электричества. Обратной стороной этой проблемы является то, что энергетики для восполнения своих потерь систематически повышают тарифы на электроэнергию, в результате страдают добросовестные плательщики⁵⁰.

В настоящее время вопросы ответственности за хищение электроэнергии регулируются ст. 165 УК РФ, которая предусматривает достаточно обширный перечень наказаний вплоть до лишения свободы и штрафов до 300 тысяч рублей. Однако возникает вопрос: кто будет платить такой штраф? Трудно предположить, что таким хищением занимается какое-нибудь предприятие или, скажем, олигарх, имеющие соответствующие доходы. То есть эти наказания (априори) нереальны для применения. Кроме того, существующий их разброс в статье, который, казалось бы, должен соответствовать всему возможному разнообразию этих преступлений, на самом деле не дает четкого ответа, кто и как должен отвечать. Кроме того, на практике квалификация этих преступлений вызывает серьезные затруднения в связи с нечеткостью формулировок. И наконец, реальность свидетельствует, что выявление, квалификация, возможность направления дела в суд весьма эфемерны. Так, всего по России, по имеющимся данным за 2011 год, было зарегистрировано 6764 преступления по ст. 165 УК РФ. В суд направлено за этот период 5114 преступлений. По Северо-Кавказскому федеральному округу и Ставропольскому краю, в частности, эти цифры вообще мизерны (74 и 41)⁵¹. Если иметь в виду, что по этой статье квалифицируются преступления, не только связанные с хищением электроэнергии, то становится очевидным, что эта норма в данном случае не работает. Таким образом, статья 165 УК РФ по отношению к хищениям электроэнергии является «балластом» и возникает (пока риторический) вопрос: а не пойти ли нам по пути наших революционных предков, установив специальную статью за хищения может быть не столь драгоценной, сколько однозначно дорогой и продолжающей дорожать электрической энергии? Нам представляется, что это было бы во многих отношениях целесообразным, тем более что ныне действующее уголовное законодательство уже пошло по этому пути, введя

⁵⁰ Российская газета. 2012. 12 апреля.

⁵¹ Данные ГИАЦ МВД России по итогам работы за 2011 год.

в ст. 158 УК РФ квалифицирующий признак (часть 3, п. «б») – кража отдельных энергоносителей.

Социалистическое право, включая уголовное, никогда не отрицало своей классовой направленности. «В эти годы хищение социалистической собственности являлось одной из основных форм классовой борьбы»⁵². Именно этим обстоятельством следует объяснить принятие ЦИК и СНК СССР Постановления от 7 августа 1932 года «Об охране имущества государственных предприятий, колхозов и кооперации и укреплении общественной (социалистической) собственности». Этот закон был, прежде всего, направлен против хищений государственного и общественного имущества. Лиц, совершавших эти преступления, закон характеризовал как врагов народа и определял им в качестве наказания высшую меру – расстрел с конфискацией всего имущества. В последующие годы были изданы специальные акты, которые распространили применение закона от 7 августа 1932 года на широкий круг посягательств на социалистическую собственность, например кражу семян. Характеризуя предвоенный период, нельзя не упомянуть Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 года, который усилил, в частности, уголовную ответственность за мелкие кражи на производстве.

В силу ярко выраженной специфики, мы опускаем в нашем анализе военный период, после которого продолжали действовать нормы УК 1926 года.

В послевоенный период особого внимания заслуживают указы Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества» и «Об усилении охраны личной собственности граждан»⁵³. Они внесли серьезные изменения в ряд существенных вопросов о системе и наказуемости имущественных преступлений и установили единство советского уголовного законодательства по этому вопросу. Следует отметить, что в научной литературе указы 1947 года получили неоднозначную оценку, особенно со стороны специалистов в области пенитенциарного права и криминологии.

Перейдем к характеристике наиболее стабильного, лаконичного, но, тем не менее, доступного и понятного не только специалистам, но и просто грамотному человеку – Уголовному кодексу 1960 года, который, с одной стороны, характеризуется преемственностью основных принципов и направлений, выработанных предшествовавшим уголовным законодательством, а с другой – значительным количеством нововведений по сравнению с кодексами 1922 и 1926 гг.

В УК РСФСР 1960 года (далее УК 1960 года) в общей сложности содержалось порядка десяти статей, регламентирующих уголовную ответственность за тайное похищение имущества. Это, прежде всего, статьи, содержащиеся в главе второй Особенной части «Преступления против социалистической собственности» (ст. ст. 89, 93.1, 96, 101 УК), в главе пятой «Преступления против личной собственности граждан» (ст. 144 и ст. 151 УК), а также ряд статей из других глав Особенной части (ст. ст. 195, 218.1, 224.1, 266 УК), – в которых речь идет о похищении, в том числе и тайном.

Прежде всего, следует отметить, что наиболее отличительной, но вполне закономерной особенностью УК РСФСР 1960 года, связанной со сложившимися в стране социалистическими общественными отношениями и соответствующим государственным устройством, является то, что в разные главы были разнесены посягательства на социалистическое (общественное, государственное) и личное имущество граждан. В основе этого разделения лежала идея приоритета социалистической собственности над личной собственностью граждан, в том числе при оценке такого преступления, как кража. По сути дела это было

⁵² Шаргородский, М. Д. Указ. соч. С. 582.

⁵³ Ведомости Верховного Совета СССР. 1947. № 19.

формально-юридическим закреплением упоминавшихся ранее положений Постановления ЦИК и СНК 1932 года и указов ПВС СССР 1947 года.

В УК 1960 года по прежнему сохраняется термин «похищение» по отношению к краже. Ст. 144 УК РСФСР установила ответственность за простую и квалифицированные кражи: совершенную повторно или по предварительному сговору группой лиц (ч. 2 ст. 144);

кражу с проникновением в жилище (ч. 3 ст. 144) и совершенную особо опасным рецидивистом (ч. 4 ст. 144), а также выделила значительность ущерба, причиненного потерпевшему (ч. 2 ст. 144). В примечании к статье приведено понятие повторности совершения кражи. В санкциях ст. 144 УК максимальный срок наказания в виде лишения свободы равен десяти годам.

Аналогично построена ст. 89 УК РСФСР «Хищение государственного или общественного имущества, совершенное путем кражи», однако обращает на себя внимание, что в ее диспозиции употребляется понятие «похищение». Максимальный размер санкции в виде лишения свободы по ст. 89 УК равен пятнадцати годам. Особо крупный размер кражи выделен в статье 93.1, интересно заметить, что здесь и в названии статьи и в ее диспозиции фигурирует понятие «хищение». Санкция предусматривает возможность применения смертной казни с конфискацией имущества.

С учетом того, что в ст. 93.1 УК РСФСР указывается, что ответственность за хищение в особо крупных размерах не зависит от способа хищения, следует, что понятие «похищение» применительно к краже законодатель считает способом хищения, характерным для кражи, которую, как известно, характеризует именно его тайность⁵⁴.

Мы склонны считать, что семантика понятий «хищение» и «похищение» свидетельствует о том, что понятие хищения имеет более стабильный характер, нежели понятие похищения, выражающего действие и, таким образом, решение законодателя в новом УК РФ 1996 года применить именно понятие «хищение» вполне обосновано, так как способ хищения непосредственно указывается в статье об ответственности за кражу – ст. 158 УК РФ, равно как и в других его статьях (159, 160, 161 и т. д.). Закрепив одну из тенденций предыдущих уголовных кодексов о разделении ответственности за кражи государственного, общественного и личного (частного) имущества граждан, УК РСФСР 1960 года пока не переосмысливает понятия «хищение», как это впоследствии сделано в УК РФ 1996 года. Имеющийся «разнобой» в применении понятий «хищение» и «похищение» принимается практическими априори как синонимы, не влияющими на квалификацию преступлений. В постановлениях Пленума Верховного Суда СССР «О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества» от 11 июля 1972 года № 4 и других⁵⁵ понятие «хищение» не приводится, приводится лишь момент окончания этого преступления: «Хищение следует считать оконченным, если имущество изъято, и виновный имеет реальную возможность им распоряжаться по своему усмотрению или пользоваться им». Отдельного постановления применительно к статье 144 УК РСФСР не издавалось. В комментарии же к ней говорится, что «Кража личного имущества граждан по способу совершения преступления (тайное похищение) ничем не отличается от кражи государственного или общественного имущества (комментарий к ст. 89 УК РСФСР)».

⁵⁴ Советский энциклопедический словарь (М., 1990. С. 1469) содержит понятие хищения и не содержит понятия похищения. Энциклопедический словарь правовых знаний (М., 1965. С. 500) в толковании понятия «хищение» указывает, что «Советское уголовное право различает хищение государственного или общественного имущества и хищение (похищение) личного имущества граждан», таким образом отталкиваясь от закона. Словарь синонимов русского языка (М., 1986. С. 397) содержит понятие «похищение», связывая его с определенным действием: «похищение девушки, умыкание, увоз (уст)», и также отсылает к краже.

⁵⁵ Бюллетень Верховного Суда СССР. 1972. № 4; 1977. № 6; 1982. № 1; 1984. № 4.

В целом, последний Уголовный кодекс советского периода, на наш взгляд, подготовил благоприятную почву для принятия ныне действующего уголовного законодательства. Однако назвать УК РФ 1996 года более удачным и совершенным мы бы не рискнули. Частично мы отметили некоторые из его недостатков и несмотря на то, что он не является предметом нашего рассмотрения, все же отметим, что главным из них является нестабильность, выражающаяся в ставших систематическими изменениях и дополнениях.

Необходимо помнить, что нестабильность уголовного закона свидетельствует о его серьезном несовершенстве, а постоянные изменения в УК наполнили его противоречиями. УК 1926 года и УК 1960 года по времени действовали примерно одинаково – по тридцать с небольшим лет. Ныне действующий в два раза меньше, однако, по тем изменениям, которые произошли с ним за это время, он уже с лихвой перекрыл своих предшественников вместе взятых. Только одним Федеральным законом № 162-ФЗ от 8 декабря 2003 года одновременно были модифицированы 266 статей, а Федеральным законом № 377-ФЗ от 27 декабря 2009 года изменения были внесены в 110 статей УК. По образному выражению ныне действующий УК превратился в «лоскутное одеяло». По состоянию на 2009 год в его Особенную часть было введено 25 новых статей (четыре исключено), а всего к середине 2010 года в статьи УК было внесено 502 изменения⁵⁶. Не избежала этой участи и ст. 158 УК – кража. Первоначальный текст ее содержания за это время корректировался (изменялся и дополнялся) восемь раз, а ведь кража – тайное хищение чужого имущества, наряду с убийством, с точки зрения их содержательной сути является одним из наиболее «стабильных» преступлений, расценивавшимся во все времена, у всех стран и народов как преступное деяние, восходящее еще к библейским заповедям.

⁵⁶ Ошибки в Уголовном кодексе // Российская газета. 2010. 10 июня.

Латентная виктимность мигрантов и направления ее снижения

Ю. Ю. Бышевский,

*ведущий научный сотрудник филиала ФГКУ «ВНИИ МВД России» по
Северо-Кавказскому федеральному округу, кандидат юридических наук*

В криминологии латентность традиционно ассоциируется с преступностью. Почти полвека потребовалось для того, чтобы латентная преступность – проблема, поднятая в отечественной криминологии на рубеже 60-70-х годов прошлого века, из сугубо узкопрофессиональной (преимущественно теоретической) перешла в область практического применения. Можно сказать, что на уровне государственной власти, сначала законодательной, а вслед за ней и исполнительной, учет фактора латентной преступности стал не только признаваться, но и в определенной степени учитываться, по крайней мере, при оценке состояния преступности и определении тактических и стратегических направлений уголовной политики. Этот факт можно смело записать в актив криминологической науки.

Тем не менее, теоретическая разработка проблемы латентности в связи с криминальными проявлениями продолжается, причем по самым различным направлениям. Одно из них – это «стык» латентности и виктимности, который в криминологии фигурирует как понятие «латентная виктимность».

Если обратиться к понятийному аппарату виктимологии, то достаточно сложно установить авторство анализируемого нами понятия. Тем не менее, это следует попытаться сделать, хотя бы для того, чтобы отдать должное тем ученым, которые стояли у истоков отечественной виктимологии.

Первые публикации, специально посвященные виктимологической проблематике, а следовательно, и формированию ее основных понятий, относятся ко второй половине шестидесятых годов прошлого века, а первое самостоятельное издание вышло в нашей стране в 1972 году⁵⁷. Эта, по сути дела, небольшая по объему брошюра, изданная ограниченным тиражом, да еще и в провинции, оказалась уделом весьма узкого круга отдельных специалистов. При этом следует отметить, что именно в ней впервые была предпринята попытка сформулировать основные операционные понятия учения о жертве преступления. Вместе с тем, ни в этой работе, ни в фундаментальном труде Л. В. Франка: «Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии»⁵⁸, – являющимся по сути дела его, к сожалению, так и не защищенной докторской диссертацией, термина «латентная виктимность» мы не находим. Однако здесь мы встречаемся с понятием «латентная жертва»⁵⁹. Но там же, далее Л. В. Франк пишет: «...виктимность в целом складывается из всех потерпевших от преступления, зарегистрированных и латентных, независимо от степени виктимности, содействия или даже прямой вины самих потерпевших»⁶⁰. Из этого можно сделать вывод, что первым латентную преступность и виктимность связал между собой именно он.

Следует заметить, что весьма скептически отнесся к этому понятию другой основоположник отечественной виктимологии Д. В. Ривман: «Понятие латентной жертвы ничего

⁵⁷ Франк, Л. В. Виктимология и виктимность (об одном новом направлении в теории и практике борьбы с преступностью). Душанбе, 1972.

⁵⁸ Франк, Л. В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

⁵⁹ Анализ специальной литературы позволяет достоверно утверждать, что авторство понятия «латентная жертва» принадлежит Гансу фон Гентику, который включал его в одно из трех понятий, составляющих предмет виктимологии.

⁶⁰ Франк, Л. В. Указ. соч. С. 83, 109.

не объясняет и не может объяснить в криминологическом плане»⁶¹. Поймем цитируемого автора, учитывая идеологизацию общественных (в том числе юридических) наук в период, когда были написаны эти строки, тем более, что работа была издана Ленинградским высшим политическим училищем МВД СССР. Кстати, в своих более поздних работах он уже неоднократно пользуется этим словосочетанием.

Тем не менее, фактом стало то, что понятие «латентная жертва» прочно закрепилось в виктимологическом лексиконе, обозначая скрытую, не выявленную жертву преступления (преступного посягательства). При этом имеется в виду не только латентная жертва, в отношении которой уже реально было совершено преступление, но и потенциально-латентная жертва, обладающая повышенной степенью виктимности и вероятности, что она, скорее всего, окажется латентной. Последний момент весьма важен, поскольку мы вплотную подходим к вопросу о правомерности и целесообразности применения термина «латентная виктимность».

Уже в конце прошлого века в целом ряде криминологических исследований термин «латентная виктимность» употребляется как само по себе разумеющееся понятие. Так, например, Р. М. Акутаев пишет: «Несообщение жертвой преступления в правоохранительные органы о преступном посягательстве на ее права и интересы, причинении материального и морального ущерба в криминологической литературе получило название «латентной виктимности»⁶². В. И. Задорожный, предлагая создание нетрадиционной системы безопасности – виктимологической, и обобщив различные трактовки термина «виктимность», разделив ее на индивидуальную и массовую, заключил, что: «В целом можно говорить и о виктимности латентной (естественной, искусственной, пограничной)»⁶³. Опиерируют этим понятием и другие авторы. Достаточно широко он распространен в текстах оперативно-служебной документации правоохранительных органов. Это позволяет сделать вывод о том, что данный термин прижился в криминологическом лексиконе при описании явлений и процессов, характеризующих латентную и виктимологическую составляющие преступности. Над его лаконичным и сущностным содержанием, конечно же, еще следует внимательно поработать, но это неизбежный процесс, поскольку, как известно, для криминологии в целом характерна конкуренция понятий.

Вопрос о латентной виктимности, помимо его теоретической значимости, имеет важное практическое значение. На глобальном уровне он тесно связан с проблемами криминологической безопасности и предупреждением преступности в целом. На локальном уровне – с виктимологической безопасностью и виктимологической профилактикой, в том числе применительно к отдельным, обособленно выделяемым странам. Важнейшей из них сегодня является миграция как реально существующий демографический процесс, имеющий множество оттенков и нюансов, криминальный аспект в частности.

Миграция как реально существующее, объективное явление жизни современного общества изначально несет в себе своеобразный негативный потенциал. В излагаемом материале мы не касаемся криминологических проявлений миграции при совершении преступления (криминальной миграции и инертной криминогенной миграции)⁶⁴. Мы не ставим перед собой и задачи показать типичные проблемы и размеры миграционной преступности, равно как и определить масштабы, тем более точные данные о количестве мигрантов (гастарбайтеров в первую очередь), постоянно, периодически или временно находящихся

⁶¹ Ривман, Д. В. Виктимологические факторы и профилактика правонарушений. Л., 1975. С. 10.

⁶² Акутаев, Р. М. Криминологический анализ латентной преступности: автореф. дис... д-ра юрид. наук. СПб, 1999. С. 22.

⁶³ Задорожный, В. И. Виктимологическая безопасность и ее обеспечение мерами виктимологической профилактики: монография. Тамбов, 2005. С. 22, 39–40.

⁶⁴ Бышевский, Ю. Ю. Миграция как криминологическая проблема: монография. Ставрополь, 2007. С. 118.

на территории Российской Федерации. Исходим из того, что это миллионы, а скорее всего десятки миллионов, граждан иностранных государств. Впрочем, одной цифре доверять все-таки можно – 9,2 млн иностранных мигрантов находится в России. Ее озвучил в январе 2012 года В. В. Путин, оговорившись, правда, что четыре миллиона из них, хотя и стали на миграционный учет, но работают нелегально, добавив при этом, что из-за таких нелегалов создается почва для преступлений и конфликтов⁶⁵. Позже выяснилось, что к концу того же 2012 года «...в стране находятся 10 миллионов 300 тысяч иностранных граждан»⁶⁶. Не совсем понятно, конечно, то ли менее чем за год количество мигрантов увеличилось более чем на миллион, то ли иностранцев и мигрантов считают по отдельности. В любом случае возникает вопрос: много это или мало?

Ответ можно дать такой. Это значительно больше, чем все население Дальневосточного федерального округа (6,3 млн) или почти столько же, сколько проживает в Северо-Кавказском федеральном округе (9,5 млн). Однако нельзя забывать о том, что 9,2 млн – это законные (легальные) мигранты, официально зарегистрированные Федеральной миграционной службой (ФМС). Эту цифру нужно увеличить минимум в два раза, примерно так оценивают эксперты размеры незаконной (нелегальной) миграции в Россию, которую с полным основанием можно назвать латентной. Таким образом, мы имеем весьма внушительную в количественном отношении, с ярко выраженным качественным своеобразием, группу населения страны, именуемую мигрантами. Суть выдвигаемой нами гипотезы сводится к тому, что в целом эта группа обладает повышенной виктимностью.

Ее теоретическое обоснование исходит из разработанной в виктимологии классификации, предусматривающей несколько уровней виктимности. Прежде всего, это индивидуальная и массовая виктимность. Внутри каждой из них различные авторы предлагают свой «набор» соответствующих составляющих. Не вдаваясь в их анализ, что представляет собой объемную и, может быть не совсем нужную работу, мы исходим из того, что любое рассматриваемое явление должно иметь под собой твердую методологическую основу. Деление виктимности на массовую и индивидуальную предполагает использование философских категорий «целое» и «часть» вполне допустимый, но не единственный и, по нашему мнению, не идеальный подход. Предпочтительнее рассматривать виктимность в иной диалектической плоскости: «общее» – «особенное» – «единичное». В таком случае мы имеем дело с виктимностью конкретного лица (единичное), социальной группы (особенное) и общества в целом (общее).

Естественно, что миграция – это уровень «особенного», поскольку ее носители (мигранты), вне всякого сомнения, представляют собой обособленную социальную группу, имеющую количественные параметры и качественное своеобразие. Мигранты – это, в своем подавляющем большинстве, маргинальная социальная группа, которая в целом обладает повышенной виктимностью, носящей латентный характер.

Оценивая латентную виктимность мигрантов на уровне социальной группы, необходимо помнить, что маргинальная среда способствует возникновению таких виктимогенных ситуаций, когда потенциальную жертву нельзя заранее отличить от потенциального преступника (исключение составляет лишь криминальная миграция) и когда лишь конкретная жизненная ситуация определяет, кто станет жертвой, а кто – преступником. Интенсивные миграционные процессы, характерные в первую очередь для крупных городов и прежде всего Москвы, тесно смыкаются здесь с проблемой преступности приезжих и преступности в отношении приезжих.

⁶⁵ Путин, В. В. Проблема миграции и наш интеграционный проект // Независимая газета. 2012. 28 января.

⁶⁶ Фалалеев, М. С метлой в СИЗО // Российская газета. 2012. 3 декабря.

В прессе, например, была озвучена информация о том, что четверть всех преступлений в России совершают иностранцы, а в Москве и того больше – каждое третье преступление совершается мигрантами⁶⁷. Жаль, конечно, что на столь высоком уровне выдается такая «статистика». По официальной статистической информации этот показатель в 2011 году составлял 3,4 %. Более того, в приведенном выше материале М. Фалалеева, подготовленном по материалам совместной коллегии МВД и ФМС, мы читаем, что незаконные мигранты совершают в России каждое тридцатое преступление, а в Москве каждое шестое. Обратим внимание, что это уже не иностранцами, а мигрантами, да еще и незаконными (интересно было бы узнать, как они были подсчитаны?).

Однако не существует, и скорее всего никогда не будет существовать, сколько-нибудь достоверной статистики о количестве мигрантов, пострадавших от преступлений. Это прямое следствие латентной виктимности, продуцирующей в свою очередь значительный массив латентной преступности. Не будет этой статистики еще и потому, что большинство мигрантов у нас работают в теневом секторе экономики и сосчитать их просто невозможно.

Важным моментом, имеющим практическое значение, является то обстоятельство, что повышенная латентная виктимность мигрантов имеет два основных варианта виктимизации (превращения латентной жертвы в реальную). С одной стороны, они могут стать жертвой преступников – коренных жителей принимающей стороны. Особую опасность здесь представляют два вектора – преступления, совершаемые на почве национализма и ксенофобии, и преступления с ярко выраженной коррупционной составляющей, которую инициируют чиновники различных мастей и уровней и недобросовестные работодатели. С другой, они находятся под жестким прессом собственной «мафии» – как правило, этнических организованных преступных групп, в которые входят свои же «хозяева-бандиты», а зачастую и сами работодатели. По нашему мнению, последние преобладают над первыми. Такой двусторонний пресс значительно усугубляет состояние латентной виктимности мигрантов. «Так зачем же самих жертв назначать врагами? Очевидно, антимиграционная истерия выгодна все той же коррупции. Если бы наши соответствующие структуры, ФМС в первую очередь, вместо ничего не дающего «отлова» нелегальных мигрантов попытались бы вместе с чиновниками добиться публичного суда хоть над кем-то из крутых рабовладельцев, от этого было бы больше пользы. У правозащитных организаций, имеющих неопровержимые улики бесчеловечной эксплуатации мигрантов, ни прокуратура, ни суды ни один иск не приняли»⁶⁸.

Россия – крупнейший центр приема трудовых мигрантов. Второе место в мире, первое в Европе. То, что без мигрантов нам не обойтись, сегодня, после многолетних споров, стало очевидным, как очевидно и то, что государственной миграционной политики у нас до сих пор нет.

Определенный оптимизм внушают магистральные направления в сфере миграционной политики, намеченные Президентом Российской Федерации, которые хорошо известны. В них особо хотелось бы отметить ту роль, которую играет в этом совершенствование законодательства, причем не только миграционного, но, что немаловажно, – уголовного.

В этой связи хотелось бы отметить также, что обращение юристов, специализирующихся на проблемах наук уголовно-правового комплекса к различным вопросам миграционных процессов и связанных с ними негативных явлений, приобрело перманентный характер. Если до недавнего времени к ним обращались преимущественно криминологи, то сегодня к этому все больший интерес проявляют специалисты уголовного права. Это «недавнее время» имеет четкую календарную дату: 28 декабря 2004 года. Именно с этого времени

⁶⁷ Богданов, В. Гастербайтеры уходят в лес: интервью с заместителем председателя Следственного комитета РФ В. Пискаревым // Российская газета. 2009. 9 июня.

⁶⁸ Графова, Л. Жертва или враг? // Российская газета. 2008. 7 ноября.

в Особенной части Уголовного кодекса РФ появилась ст. 322.1 «Организация незаконной миграции»⁶⁹. Законодатель трижды обращался к корректировке ее содержания. Правда во всех этих случаях не затрагивалась диспозиция статьи, а лишь ее санкции. Сначала это было в 2009 году, а затем в 2011 году, и пока последние, в 2012 году.

С тех пор как правовое регулирование общественных отношений от сугубо административной ответственности распространилось и на уголовную, законодатель очень неохотно идет на расширение сферы уголовно-правовой регламентации целого ряда видовых объектов миграционных процессов. В их числе немало и обладающих возможным криминальным содержанием, и соответствующей степенью общественной опасности. Сегодня ст. 332.1 УК РФ по-прежнему остается в них «в гордом одиночестве». Это вряд ли правильно, поскольку, с одной стороны, общество явно нуждается в более эффективной защите (уголовно-правовой в частности) от незаконной и криминальной миграции. С другой, сами мигранты также нуждаются в ней. Один из аспектов именно этой стороны, по нашему мнению, связан в том числе и с латентной виктимностью мигрантов.

Сложнейшим, но важным с точки зрения своей практической значимости, является вопрос о направлениях снижения латентной виктимности мигрантов. Магистральным направлением в этом отношении является, конечно же, реализация того комплекса мер, который направлен на противодействие преступности в целом. Что же касается конкретики негатива, связанного с миграцией, то здесь уместно еще раз обратиться к программным установкам Президента Российской Федерации, сделанным им в период предвыборной кампании 2012 года. В них, в частности, содержатся две достаточно противоречивых посылки. Первая: «...миграционная политика настолько тонкая сфера, что просто махать топором здесь нельзя: нужны взвешенные, аккуратные действия». Вторая: «...необходимо усилить санкции для тех, кто провоцирует нелегальную миграцию». И далее: «для этого должны быть предусмотрены санкции уголовного характера»⁷⁰.

По нашему мнению, журналисты, «выдернувшие» в заголовок цитируемого материала лишь первую его часть, исходили из чисто публицистически звучащих соображений, «забыв» в цитате слово «просто», которое стоит между словами «нельзя» и «махать», при этом не «обратив внимания» на вторую часть процитированного нами выше текста. Мы понимаем это несколько иначе. Действительно, миграционная сфера очень тонкая и просто махать топором здесь нельзя. Однако это не означает, что топор не нужен вообще. Необходимо отсечь от «здорового пирога» миграции его «загнившую» (то есть криминальную) часть. Здесь без «топора» уголовной репрессии не обойтись.

⁶⁹ Введена Федеральным законом от 28.12.2004 № 187-ФЗ // Российская газета. 2004. 30 декабря.

⁷⁰ Петров, В. Нельзя махать топором (Владимир Путин объяснил, как нужно действовать в сфере миграционной политики) // Российская газета – Неделя. 2012. 27 января.

Позиция пленума верховного суда РФ в определении обязательности решений международных судебных органов

П. В. Волосюк,

доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук, доцент

Вопрос об уголовно-правовом значении постановлений Пленума Верховного Суда РФ остается одним из дискуссионных вопросов в отечественной науке уголовного права. Отдельными представителями научной среды указывается на формальный характер постановлений Пленума⁷¹, другими учеными указывается на невозможность признания за постановлениями силы источника уголовного права, поскольку преступность и наказуемость деяния определяется только Уголовным законом.

По справедливому замечанию М. де Сальвиа, «как бы четко ни была сформулирована норма в любой системе права, включая уголовное право, неизбежен элемент судебного толкования. Всегда будет существовать необходимость разъяснения неясных моментов и в адаптации к изменяющимся обстоятельствам...судебная практика как источник права способствует прогрессивному развитию уголовного права. Уяснение правил уголовной ответственности предполагает последовательное от дела к делу толкование их судебной практикой»⁷².

Не менее дискуссионным является вопрос об обязательности решений Европейского Суда по правам человека (далее Европейского Суда). Как указывается в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, «в силу п. 1 ст. 46 Конвенции, решения Суда, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов»⁷³.

С одной стороны, по мнению М. Н. Марченко⁷⁴, признание Россией юрисдикции Европейского Суда означает признание «обязательной силы» окончательных постановлений Суда по делам, в которых Российская Федерация является одной из сторон, и обязательности их исполнения.

С другой стороны, по мнению И. А. Клепицкого, поскольку большинство правоведов отрицают за судебной практикой юридические свойства источника уголовного права, то и решения Европейского Суда нельзя рассматривать в качестве источника российского уголовного права. На невозможность признания за решениями Европейского Суда юридической силы в национальном уголовном праве указывает и О. Н. Ведерникова⁷⁵.

⁷¹ *Образиев, К. В.* Постановления Пленума Верховного Суда РФ как формальные (юридические) источники российского уголовного права // Уголовное право. 2008. № 4.

⁷² *М. де Сальвиа.* Прецеденты Европейского Суда по правам человека. СПб., 2004. С. 515.

⁷³ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 6.

⁷⁴ *Марченко, М. Н.* Юридическая природа и характер решений Европейского Суда по правам человека // Государство и право. 2006. № 2. С. 18.

⁷⁵ *Клепицкий, И. А.* Преступление, административное правонарушение и наказание в России в свете Европейской Конвенции о правах человека // Государство и право. 2000. № 3. С. 66; *Ведерникова, О. Н.* О состоянии преступности в стране и мире, криминоглобалистике и антиглобализме // Российский криминологический взгляд. 2005. № 2. С. 82–92.

Однако, на наш взгляд, решение данной проблемы кроется в юридической сущности решений Европейского Суда. Статус его решений характеризуется тремя существенными моментами: 1) принимаемые решения окончательны и не могут быть обжалованы и пересмотрены иным судом; 2) решения действуют непосредственно и не нуждаются в подтверждении другими органами и должностными лицами; 3) решения обязательны для всех стран – членов Совета Европы.

Однако такой вывод видимо может вызвать, с одной стороны, вопрос о причинах обязательности решений Европейского Суда, а с другой стороны, обязательны ли для России решения, вынесенные против других государств – участниц Конвенции.

Полагаем, что общеобязательный характер решений Европейского Суда для национального правоприменителя, вытекает из ст. 32 Конвенции, согласно которой в ведении Суда находятся все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. А согласно решению по делу *Guzzardi*, решения Европейского Суда служат не только для разрешения споров, которые ему переданы, но, более широко, для прояснения, охраны и развития норм Конвенции и для способствования соблюдению государствами обязательств, которые они на себя приняли⁷⁶.

В ходе такого толкования Судом вырабатываются правовые позиции, раскрывающие закрепленные в Конвенции права и свободы. Правовые позиции Суда, излагаемые им в решениях при толковании конвенционных норм, признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер и, следовательно, подлежащие обязательному применению в уголовном праве.

И именно на это обстоятельство и обращает внимание Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в Постановлении которого отмечается, что решения Европейского Суда являются обязательными для судов.

В развитии этого положения Комитет министров Совета Европы в своих рекомендациях неоднократно отмечал, что государства применяют Конвенцию в своих правовых системах так, как она понимается в решениях Европейского Суда⁷⁷.

По справедливому замечанию В. Д. Зорькина, в силу ст. 32 Конвенции Европейский Суд имеет право решать все вопросы, касающиеся толкования и применения положений Конвенции и Протоколов к ней. Поэтому правовые позиции Суда, излагаемые им в решениях при толковании положений Конвенции и Протоколов к ней, признаются Российской Федерацией как имеющие обязательный характер⁷⁸.

Следует указать на еще одно обстоятельство, что толкование конвенционных норм является обязательным для любого государства – участника Конвенции. Безусловно, решение, вынесенное Европейским Судом, обязательно лишь для государства – ответчика по делу, на что в частности указывает не только Конвенция, но и Пленум Верховного Суда РФ.

Однако значимость решений Европейского Суда выходит за национальные пределы, воздействуя на уголовное право и правоприменительную практику и других государств-участников Конвенции. Обусловлено это исключительным правом – толкованием Конвенции. Анализ практики Европейского Суда позволил прийти к выводу о том, что если Суд при осуществлении толкования конвенционных норм, ссылается в обосновании своей правовой позиции на решения, вынесенные ранее против других государств-участников, то сформулированное в решении понимание какого-либо конвенционного права вряд ли будет

⁷⁶ М. де Сальвиа. Указ. соч. С. 776–777.

⁷⁷ Применение Конвенции о защите прав человека в судах России // Серия «Международная защита прав человека». Екатеринбург, 2006. Вып. 6. С. 17–18.

⁷⁸ Зорькин, В. Д. Роль Конституционного Суда РФ в реализации Конвенции о защите прав человека и основных свобод // Сравнительное конституционное обозрение. 2006. № 1. С. 36.

пониматься иначе в решении, вынесенном против другого государства-участника, тем более что Суд указывает на прецедентный характер своих решений.

На это обращает внимание и Пленум Верховного Суда Российской Федерации, в Постановлении которого отмечается, что применение Конвенции должно осуществляться с учётом решений Европейского Суда.

Обязательность решений Европейского Суда, о которой говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ в национальном уголовном праве, заключается еще и в том, что Российская Федерация, в отношении которой было вынесено решение Судом и установившее нарушение конвенционных норм при применении Уголовного кодекса России, принимает меры частного и общего характера. Меры частного характера имеют своей главной целью устранить нарушения прав и свобод человека и последствий этих нарушений, что может проявиться в пересмотре судебного решения вынесенного по делу. Меры общего характера направлены на предупреждение, повторение новых нарушений, результатом их применения может выступать внесение изменений в уголовное законодательство и практику его применения. Решения Европейского Суда выступают в этом случае в качестве фактора развития национального уголовного законодательства. Позитивным примером этому является изменение уголовного законодательства ряда европейских государств.

В свою очередь Пленум Верховного Суда Российской Федерации в Постановлении № 5 от 10 октября 2003 года обращает внимание правоприменителей на то, что неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта⁷⁹.

Таким образом, по нашему мнению, обязательность решений Европейского Суда по правам человека, о которой говорится в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ № 5 от 10.10.2003, объясняется, во-первых, конвенционным предписанием о праве Суда официально толковать нормы Конвенции и обязательности их исполнения, п. 4 ст. 15 Конституции РФ о приоритетном применении в национальном праве общепризнанных принципов и норм международного права, распространение этого конституционного предписания можно вывести из ст. 32 Конвенции, а также позиции Пленума Верховного Суда, указывающего правоприменителям на необходимость учитывать в правоприменительной деятельности правовые позиции Суда.

⁷⁹ О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации № 5 от 10 октября 2003 года // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 12. С. 7.

Особенности лексического значения слов в уголовном законе

Е. А. Волосюк,

*ассистент кафедры уголовного права и процесса Юридического института
Северо-Кавказского федерального университета*

Одним из этапов грамматического способа толкования уголовного закона является установление лексического значения каждого слова, выявление его смыслового значения, которое создатель нормы в них вложил.

Слово с точки зрения лингвистики является базисным элементом языковых систем. Оно обладает настолько подвижной конструкцией, что легко принимает любые морфологические изменения. Поэтому очень важно установить значение каждого слова, употребленного в нормативном акте.

Лексическое значение слова определяется его соотносительностью с соответствующим понятием и местом слова в лексической системе языка (т. е. его различными связями с другими словами). Отсюда задача толкователя установить не просто смысл и его значение в предложении, а те функции, которые оно несет. В большинстве случаев установление лексического значения слова происходит как бы автоматически. То есть слово, включенное в текст, озвучивает само себя функционально, в соответствии со своим значением и назначением. Другое дело, если оно многозначно, заимствовано или это специальный термин. Здесь интерпретатору надо выяснить: есть ли легальное или аутентическое толкование данных понятий. Если нет, то ему самому необходимо установить лексическое выражение конкретного слова, используя словари или иные источники.

Содержательная сторона слова, его внутреннее устройство – явление сложное, многогранное. Если попытаться «разложить» многочисленные определения слова на составляющие их компоненты, то со всей очевидностью выделятся три элемента:

- 1) предмет, для называния которого служит слово;
- 2) звуковая форма;
- 3) представление о называемом предмете, возникающее в сознании человека.

Все три элемента связаны между собой, образуя так называемый семантический треугольник, вершина которого – фонетическая оболочка слова, а два противоположных угла – предмет и понятие (именно так представляли себе соотношение между словом, вещью и мыслью о ней древние стоики). Фонетическая оболочка слова (т. е. последовательность его звуков) связана в сознании человека и в системе языка, с одной стороны, с предметом действительности (явлением, процессом, признаком), а с другой – с понятием, с представлением об этом предмете. Понятие является основой формирования значения слова.

Лексическое значение слова, являясь элементом общезыковой системы, тем не менее, обладает достаточной самостоятельностью. Оно имеет собственно семантические, то есть присущие только ему, специфические свойства, например, разные способы номинации предметов, понятий, явлений, признаков по характеру соотношения с действительностью (прямое – не прямое или переносное), по степени мотивированности (непроизводное – производное), по способам и возможностям лексической сочетаемости (свободное – несвободное), по характеру выполняемых функций (номинативные – экспрессивно-синонимические).

Рассмотрим слова с экспрессивно-синонимическим значением, в которых основным является эмоционально-оценочный признак на примере ст. 282 «Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства». Слова с таким значением возникли как добавочные экспрессивно-оценочные наименования уже существующих номи-

наций. Возникает вопрос: что такое вражда, ненависть? В толковых словарях эти понятия толкуют следующим образом: Вражда – неприязнь, взаимная ненависть, недоброжелательные отношения. Питать вражду к кому-нибудь. Жить во вражде с кем-нибудь. Непримируемая вражда. Возгорелась вражда⁸⁰; вражда – (антагонизм), злоба, недоброжелательство, нелюбовь, ненависть, неприязнь, неприязненность, рознь, недружелюбие, нелады⁸¹; ненависть – чувство сильной вражды⁸², злобы; ненависть – см. вражда, отвращение, питать ненависть⁸³. В итоге получается, что под ненавистью может пониматься чувство сильной вражды и злобы, а под враждой – сильная неприязнь, основанная на ненависти. Однако закон никак не определяет эти понятия. Мы пришли к выводу, что ненависть – это вражда, а вражда – это ненависть, это слова-синонимы, а синонимия понятий затрудняет понимание закона и, следовательно, предопределяет ошибки правоприменения. Таким образом, хотелось бы определенности в ст. 282, чтобы преступления, предусмотренные данной статьей, могли совершаться только по мотивам ненависти или только по мотивам вражды.

В тех случаях, когда законодатель использует несовершенную форму глагола или причастия, он, как правило, ставит наступление юридических последствий в зависимость от наступления результатов действия («Незаконное проникновение в жилище, совершенное против воли, проживающего в нем лица... наказывается» ст. 139 УК РФ; «Неоказание помощи больному без уважительных причин лицом, обязанным ее оказывать в соответствии с законом» ст. 124 УК РФ).

Невозможно осуществить грамматическое толкование, минуя лексический уровень языка. Общественная природа языка обнаруживается, прежде всего, в его лексике. Лексическое значение – это содержание слова, отображающее в сознании и закрепляющее в нем представление о предмете, свойстве, процессе, явлении. К одним из основных проблем лексического компонента грамматического анализа можно отнести распознавание значения многозначных слов, а также установление тождества значений различных слов и словосочетаний, используемых при формулировании уголовно-правовых норм. При толковании многозначных слов необходимо: 1) распознать такое слово; 2) выбрать соответствующее значение в конкретном контексте. А то, в каком из лексических значений выступает слово, определяется его сочетаемостью с другими словами. Реализацию того или иного значения слова осуществляет и более широкий контекст или ситуация, общая тематика речи. Так, например, слово «лицо» в п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (убийство двух или более лиц) трактуется как «любой человек», а вот в ст. 32 УК РФ, в которой определяется понятие соучастия в преступлении, тем же словом обозначается не всякий человек, а только вменяемый и достигший возраста уголовной ответственности.

В уголовном праве, как правило, принято, что одни и те же слова и словосочетания, используемые законодателем при формулировании различных норм, имеют одинаковые значения. В то же время в зависимости от контекста трактовка того или иного слова приобретает определенную специфику. Например, определения «корысти» при хищении (примечание к ст. 158 УК РФ) и при квалифицированном убийстве (п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ) различаются. Если при хищении лицо стремится обогатиться за счет похищаемого имущества, то при убийстве возможно удовлетворение корыстных побуждений путем уклонения от материальных затрат, а не только посредством получения материальных благ. Уяснение таких тонкостей, наверное, справедливо относить в рамках грамматического анализа к так называемому специально-юридическому толкованию. Именно поэтому при толковании уголовного

⁸⁰ Толковый словарь русского языка / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 2007.

⁸¹ Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М., 1999.

⁸² Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., перераб. М., 2012.

⁸³ Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений / под ред. Н. Абрамова. М., 1999.

закона, наряду со знанием правил русского языка, необходимо использование специальных правил грамматического толкования, вытекающих из специфики права.

В тексте уголовного закона используются почти все (исключая междометия) самостоятельные и служебные части речи (существительные, прилагательные, глаголы, причастия, деепричастия, числительные, союзы и предлоги). Все они изучаются в разделе русского языка, именуемого морфологией. Каждая из частей речи важна для понимания уголовного текста.

Итак, первым этапом грамматического способа толкования является установления значения всех слов и выражений, употребленных в тексте уголовно-правового акта. После этого следует перейти к выяснению грамматической формы прилагательных, существительных, наклонения глаголов, видов причастий и т. д.

Все нормативные акты обезличены законодателем и несут в себе неиндивидуальный характер стиля законодательных положений. Так, в лексическом отношении безличность стиля влечет за собой полный отказ от употребления личных местоимений и личных форм глаголов повелительного наклонения и др. Напротив, в актах правоприменения в значении повелительных действий используются инфинитивные конструкции, такие, как «обязать, поручить, возложить, обеспечить, разработать» и т. д. Обычно они однородны и похожи один на другой (правда, есть стилевые особенности у актов текущего правотворчества и кодификационных актов). Имеет значение и такая черта законодательства, как оперирование заранее установленными языковыми средствами, унифицированность и стереотипность форм выражения воли законодателя. Это порождает формализацию, когда для выражения одной и той же мысли используется один и тот же ряд слов или приемов, применяемых в определенной последовательности⁸⁴. То есть в тексте закона применяются стандартные термины, стереотипные фразы и выражения, устоявшиеся стабильные языковые конструкции. Соответственно для норм, регулирующих близкие отношения, так в Особенной части УК надо применять одинаковые грамматические и синтаксические обороты и конструкции.

Таким образом, знание закономерностей использования лексических единиц для построения текста уголовного закона, правильное представление об их функциях и взаимосвязях является необходимой предпосылкой верного толкования статьи Уголовного кодекса.

⁸⁴ Рандау, Х. А. ЭВМ и язык правовых актов // Советское государство и право. М., 1981. № 1. С. 116.

Сущность и понятие конфискации имущества в уголовном законодательстве России

Э. С. Габисония,

аспирант кафедры уголовного права и уголовного процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета

Конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное изъятие имущества в доход государства. Сам термин «конфискация» латинского происхождения (*confiscatio*), в дословном переводе означающий «отобрание чего-либо в казну».

Конфискацию не следует путать с изъятием имущества. Изъятие имущества носит временный характер, может быть как добровольным, так и принудительным, имеет обратимый характер (например, изъятие автомобиля для помещения его на штрафстоянку). Изъятие вещей и документов при задержании – предупредительная мера административного правонарушения.

Следует положительно оценить новацию законодателя, предусмотревшего в УК РФ конфискацию имущества в качестве иной меры уголовно-правового характера и ограничившего сферу ее применения только имуществом, связанным с совершением преступления. До принятия Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ»⁸⁵ конфискация имущества применялась в виде дополнительного наказания и определялась как принудительное безвозмездное изъятие в собственность государства всего или части имущества, являющегося собственностью осужденного (ч. 1 ст. 52 УК РФ). Этот вид наказания назначался за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных из корыстных побуждений, в случаях, прямо предусмотренных уголовным законом. Конфискация имущества применялась по приговору суда к лицу, признанному виновным в совершении, как правило, корыстного преступления.

Включение конфискации имущества в УК РФ на основании Федерального закона от 27 июля 2006 г. продиктовано не стремлением законодателя усилить карательный потенциал назначаемого вида наказания, а интересами лишения преступников незаконно приобретенных денег, ценностей и иного имущества, устранения экономической основы терроризма, организованной преступности, изъятия у них орудий и иных средств совершения преступлений, то есть, в конечном итоге, стремлением предупредить совершение новых преступлений.

Однако исключение конфискации как вида наказания из Уголовного кодекса РФ в 2003 г. и возвращение ее в новом качестве как «иной меры» уголовно-правового характера в 2006 г. требует определения места конфискации в системе этих мер.

Анализ различных точек зрения на понятие «иных мер» уголовно-правового характера позволяет выделить следующие признаки этого института: «иные меры» являются формой реализации уголовной ответственности, правовым последствием совершения преступления, они предусмотрены в УК РФ, являются принудительными, назначаются только судом по своему усмотрению, применяются к лицам, совершившим преступление, по своему содержанию связаны с определенными правоограничениями, но не имеют карательного свойства и направлены на восстановление нарушенных общественных отношений и предупреждение совершения новых преступлений.

⁸⁵ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ: федер. закон РФ от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Российская газета. 2003. № 3366.

По мнению Э. В. Мартыненко⁸⁶, с которым мы не можем не согласиться, нормы о конфискации имущества, хотя и содержатся в разделе УК РФ «Иные меры уголовно-правового характера», но не в полной мере отвечают указанным признакам. Это происходит из-за того, что конфискация, закрепленная в ст. 104.1 УК РФ, предусматривает три самостоятельных вида:

1) наказанием, когда конфискуются деньги, ценности и иное имущество, используемое или предназначенное для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации) (п. «в», ч.1 ст. 104.1 УК РФ);

2) «иной мерой» уголовно-правового характера, когда изымается имущество, полученное в результате совершения преступления (п.п. «а», «б» ч.1 ст. 104.1 УК РФ);

3) специальной конфискацией или мерой безопасности, когда изымаются орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому (п. «г», ч. 1 ст. 104.1 УК РФ).

Из всех видов конфискации, указанных в ст. 104.1 УК РФ, только конфискация, предусмотренная п. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, соответствует признакам иных мер уголовно-правового характера.

Следует отметить, что каждый из трех видов конфискации имеет свою цель. Конфискация, назначаемая в соответствии с п. «в» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, преследует те же цели, что и любое наказание (ст. 43 УК РФ), так как изъятию подлежит любое имущество, в том числе и то, которое приобретено на законных основаниях. По закону конфискуемое имущество должно предназначаться для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации).

Применяя конфискацию как «иную меру» в порядке п. «а», «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, законодатель преследует две цели – восстановление социальной справедливости и предупреждение совершения новых преступлений, так как изымается имущество, на которое право собственности у виновного отсутствует.

Согласно Европейской конвенции об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности 1990 г., конфискация определяется как «мера, назначенная судом в результате производства в связи с уголовным правонарушением или уголовными правонарушениями, приводящая к лишению имущества»⁸⁷. Каждая страна обязана и вправе принимать «законодательные и другие меры, которые могут быть необходимы, чтобы предоставить ей возможность конфисковать орудия и доходы или имущество, стоимость которых соответствует этим доходам». Как верно заметил В. В. Лунев, «отсутствие данной меры правового воздействия способствовало тому, что этим было устранено самое эффективное и самое гуманное наказание, которое несло в себе серьезное предупредительное начало»⁸⁸.

Законодательное определение конфискации вытекает из содержания 104.1 УК РФ, согласно которой конфискация имущества представляет собой принудительное безвозмездное обращение по решению суда в собственность государства указанного в пунктах «а» – «г» этой статьи имущества. Одним из признаков, присущих конфискации имущества, является принудительный характер его обращения в доход государства. Принудительность состоит в обязательном, безвозмездном обращении по решению суда денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступления, в доход государства. Безвозмезд-

⁸⁶ Мартыненко, Э. В. Конфискация имущества в действующем российском уголовном праве: автореф. дис... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 24.

⁸⁷ Европейская конвенция «Об отмывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности» 1990 г. // Казахстанская правда. 2011. 5 мая. № 147 (26568); Ведомости Парламента РК. 2011. № 9 (2586). Ст. 72.

⁸⁸ Лунев, В. В. Конфискация имущества из УК РФ незаконно исключена: что дальше? // Государство и право. 2006. № 4. С. 18.

ность означает отсутствие какой-либо компенсации вместо принудительно изъятых денег, ценностей и иного имущества в доход государства.

Ранее конфискация имущества применялась только за тяжкие и особо тяжкие преступления, совершенные из корыстных побуждений, и могла назначаться судом только в случаях, когда санкция статьи Особенной части УК РФ предусматривала данный вид наказания. Большинство преступлений, по которым могла применяться конфискация имущества, относилось к преступлениям против собственности, сферы экономической деятельности и общественной безопасности (всего в отношении тридцати одной статьи УК РФ).

Новая редакция конфискации имущества согласно ст. 104.1 УК РФ определяет четыре основания применения данной меры уголовно-правового характера к более сорока статьям уголовного кодекса. При этом конфискацию имущества можно применить к 19 посягательствам средней тяжести и 9 преступлениям небольшой тяжести.

Следует отметить, что основанием применения конфискации имущества, согласно ст. 104.1 УК РФ, предусмотрено безвозмездное обращение в собственность государства следующего имущества:

- денег, ценностей и иного имущества, полученных в результате совершения преступлений, предусмотренных соответствующими статьями УК РФ (всего 45 статей), и любых доходов от этого имущества, за исключением имущества и доходов от него, подлежащих возвращению законному владельцу;
- денег, ценностей и иного имущества, в которые имущество, полученное в результате совершения преступления, и доходы от этого имущества были частично или полностью превращены или преобразованы;
- денег, ценностей и иного имущества, используемых или предназначенных для финансирования терроризма, организованной группы, незаконного вооруженного формирования, преступного сообщества (преступной организации);
- орудий, оборудования или иных средств совершения преступления, принадлежащих обвиняемому.

Однако анализ предусмотренных в главе 15.1 УК РФ норм о конфискации имущества не содержит ответа на вопрос: применение конфискации имущества – это право или обязанность суда?

Поэтому суды, решая вопрос о применении конфискации имущества, должны исходить не только из оценки объективной возможности применения данной меры уголовно-правового характера, но и субъективного критерия, то есть оценки психического состояния лица при совершении преступного деяния. Так, уголовная ответственность за приобретение или сбыт имущества, заведомо добытого преступным путем (ст. 175 УК РФ), возможна только при наличии у виновного заранее осведомленности в преступном происхождении имущества. Последний критерий – «знало или должно было знать» – требует отдельного уточнения.

На наш взгляд, социальное назначение конфискации имущества состоит в обеспечении индивидуализации правового воздействия на виновного путем материальных правоограничений, которые распространяются на имущество или денежные средства, приобретенные или нажитые преступным путем, и его следует рассматривать как наказание, а не как иную меру принудительного характера.

О некоторых проблемах применения мер пресечения, избираемых судом

В. Ю. Гулакова,

доцент кафедры уголовного права и процесса Юридического института Северо-Кавказского федерального университета, кандидат юридических наук

Каждая из действующих мер пресечения имеет свою историю развития в отечественном законодательстве, однако для нас особый интерес представляет процесс формирования норм о залоге и домашнем аресте, чтобы разобраться с проблемами, возникающими сегодня при применении этих норм в практической деятельности.

Уставом уголовного судопроизводства 1864 г. предусматривался домашний арест (ст. 416), который состоял в нахождении обвиняемого дома под охраной. Допускалось также ограничиться обязательством лица не покидать место жительства и снять охрану. УПК РСФСР 1922 г. (ст. 160) и УПК РСФСР 1923 г. (ст. ст. 144, 157) предусматривали домашний арест, который состоял в лишении обвиняемого свободы в виде изоляции на дому, с назначением стражи или без таковой. Таким образом, некоторый опыт применения домашнего ареста уже имел место в национальной уголовно-процессуальной практике: эта мера действовала с 1864 по 1903 г., а затем с 1922 по 1926 г.⁸⁹

Залог в русском праве как мера пресечения впервые появилась в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г., а до того в качестве схожей меры пресечения предусматривалось личное ручательство (отдача на поруки), т. е. надежное поручительство в том, что обвиняемый по преступлениям, наказуемым кратковременным арестом, денежным взысканием, выговором в присутствии суда и т. п., не скроется и станет являться в суд, когда будет приговорено.

В отличие от УПК РСФСР 1922, 1923, 1960 гг. Устав уголовного судопроизводства предусматривал детальную регламентацию применения залога при производстве в мировых судах и общих судебных установлениях, при кассационном пересмотре, судопроизводстве по преступлениям и проступкам административного управления и по делам смешанной военной и гражданской подсудности (ст. ст. 77, 79–83, 125, 175, 416, 418, 423–429 и др.).

УПК РСФСР 1922 и 1923 гг. в качестве имущественных мер пресечения, помимо залога, предусматривали еще и имущественное поручительство, которое состояло в получении от организации или лица, достаточно для этого состоятельного, подписки, что они обязуются уплатить известную сумму в случае неявки обвиняемого к следователю или в суд. Залог представлялся в денежной форме или в виде иного имущества, которое могло быть внесено в суд самим обвиняемым или другим лицом, или организацией в обеспечение явки обвиняемого к следователю или в суд. Сумма имущественного поручительства или залога определялась следователем в соответствии с тяжестью обвинения, с силой улик, имеющихся по делу против обвиняемого, имущественным положением поручителя или залогодателя и другими обстоятельствами дела (ст. 154 УПК 1922 г., ст. 157 УПК 1923 г.). УПК РСФСР 1960 г. предусматривал лишь то, что сумма залога определяется органом, избравшим данную меру пресечения в соответствии с обстоятельствами дела (ч. 2 ст. 99).

⁸⁹ Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 9 / под ред. О. И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1984–1994.

УПК РФ в ст. 97 называет семь видов мер принуждения, из которых залог, домашний арест и заключение под стражу являются наиболее суровыми и применяются к подозреваемому или обвиняемому только по решению суда.

Залог и домашний арест законодатель предусматривает как альтернативу заключения под стражу. Такой вывод можно сделать из анализа нормы, предусмотренной ч. 7.1. ст. 108 УПК РФ, где указано, что в случае отказа в удовлетворении ходатайства об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу судья по собственной инициативе вправе при наличии оснований, предусмотренных статьей 97 УПК РФ, и с учетом обстоятельств, указанных в ст. 99 УПК РФ, избрать в отношении подозреваемого или обвиняемого меру пресечения в виде залога или домашнего ареста.

Применение данных норм на практике позволило выявить ряд проблем, которые законодатель решает изменениями и дополнениями редакций статей о домашнем аресте и залоге. Федеральным законом от 7 апреля 2010 г. № 60-ФЗ ст. 106 УПК РФ принята в новой редакции. Однако и сейчас она нуждается в доработке. Так, в ч. 2 ст. 106 УПК РФ отсутствует указание на уведомление следователя или дознавателя о ходатайстве подозреваемого или обвиняемого перед судом о применении залога. В подобной ситуации сторона обвинения утрачивает инициативу в избрании необходимой с их точки зрения меры пресечения. Кроме того, в ст. 106 УПК РФ следовало бы предусмотреть участие в суде при избрании залога стороны обвинения (следователя или дознавателя).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.